

Российский совет по
международным делам

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**РОССИЯ И «НОВЫЕ ЭЛИТЫ»
СТРАН «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

№ V

2013

Российский совет по международным делам

Москва 2013

УДК 323(6+53)+327.8(470+571:6+53)
ББК 66.3(61+53),133+66.4(2Рос),9(61+53)
Р76

Российский совет по международным делам

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов** (председатель);

докт. ист. наук, акад. РАН **В.Г. Барановский**;

докт. ист. наук, акад. РАН **А.М. Васильев**;

докт. экон. наук, акад. РАН **А.А. Дынкин**;

докт. экон. наук **В.Л. Иноземцев**;

канд. ист. наук **А.В. Картунов**;

докт. экон. наук **В.А. Мау**;

докт. ист. наук, член-корр. РАН **В.В. Наумкин**;

докт. ист. наук, акад. РАН **С.М. Рогов**;

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев** (ученый секретарь)

Авторский коллектив:

докт. полит. наук **А.И. Шумилин** (руководитель коллектива); канд. ист. наук **Б.И. Макаренко**; докт. ист. наук **А.В. Малашенко**; докт. ист. наук **Г.И. Мирский**; канд. ист. наук **А.Г. Бакланов**; канд. ист. наук **И.М. Мохова**; канд. полит. наук **И.В. Шумилина**; канд. экон. наук **Р.Р. Алиев**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; **Л.В. Филиппова**; **А.М. Елисеев**

Массовые протестные движения существенно преобразовали политический ландшафт арабского сегмента Ближнего Востока. В конечном счете, они обусловили необходимость для России выработать концепцию ее репозиционирования в большинстве арабских стран региона. Принимая во внимание значимость для России отношений со странами Ближнего Востока, Российский совет по международным делам провел серию экспертных семинаров по отдельным проблемам взаимоотношений нашей страны с региональными государствами. Результатом этой работы стала предлагаемая рабочая тетрадь.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Россия и «новые элиты» стран «Арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия: рабочая тетр. / [А.И. Шумилин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 44 с. — ISBN 978-5-91891-218-8

© Авторский коллектив, 2013
© Составление и оформление.
НП РСМД, 2013

Содержание

Введение	4
I. Общие закономерности: от президентов-генералов к «выборному гражданскому правлению»	8
Потенциал относительной устойчивости арабских монархий	8
Раскол среди исламистов: умеренные versus радикалы	9
Раскол правивших элит и роль армии в событиях «Арабской весны»	13
Внешнее влияние – США, Саудовской Аравии и Катара	15
II. «Новые элиты» или новые правила игры	16
Египет: небезраздельная власть умеренных исламистов	17
Тунис: светско-исламистский конгломерат	21
Ливия: евро-либералы доминируют над исламистами	25
Йемен: внутриэлитные перемены – политическая преемственность	26
Обновленные элиты борются за новое медиа-пространство	28
III. «Арабская весна»: последствия для России	33
IV. Перспективы усиления влияния России в странах «Арабской весны»: цели и средства	36
Имиджево-идеологическая стратегия России на Ближнем Востоке	36
Военно-техническое сотрудничество (ВТС)	39
Общественная дипломатия	40
Выводы	42

Введение

Массовые протестные движения существенно преобразовали политический ландшафт арабского сегмента Ближнего Востока. В конечном счете, они обусловили необходимость для России выработать концепцию ее репозиционирования в большинстве арабских стран региона. Возникшие проблемы для России во многом связаны со следующими факторами:

а) преобладающей в нашей стране *интерпретацией причин, содержания и последствий* произошедших событий (протестные движения, имевшие место в ряде арабских стран, представляются в России результатом «намеренного провокационного воздействия со стороны США и Запада», как очередная версия «цветной революции» или «внешнего вмешательства террористических групп», а сложившаяся ситуация – «победой радикал-исламистов» и т. д.);

б) «ливийским синдромом», т. е. трактовкой действий НАТО и Лиги арабских государств (ЛАГ) в ливийском кризисе как «неправомерных и недопустимых», следствием чего становится *абсолютизация* установки на недопустимость любого внешнего вмешательства во внутренний конфликт (в частности, в Сирии), даже ограниченно-го документами СБ ООН и в гуманитарных целях (для минимизации жертв среди мирного населения);

в) следствием вышеуказанного становится *политический и имиджевый ущерб* – ухудшение имиджа России в большинстве арабских обществ (как на уровне элит, так и на «арабской улице»), когда Россию не всегда обоснованно воспринимают как «защитника ненавистных и обреченных диктаторов»;

г) ставкой России в основном на правящий режим (доминирующую группировку) и *недостаточным политико-идеологическим обоснованием для расширения «круга общения»* как в самих элитных группах арабских стран, так и среди оппозиционных сил, что ограничивает усилия МИД РФ по диверсификации контактов; к этому следует добавить и груз многолетних проблем в отношениях России с умеренными исламистами, в частности, организациями, связанными с «Братьями-мусульманами»;

д) заметным воспроизведением «*советской модели*» ближневосточной политики: восприятие региона как «зоны противостояния СССР/России с США и Западом»; попыткой сохранить ставки на «своих союзников» (в антизападной интерпретации), которая препятствует обретению Россией новых союзников-партнеров в изменившихся условиях;

е) *ощутимым влиянием внутриполитических (внутрироссийских) факторов* при формировании подхода к ряду конфликтных ситуаций в арабских странах, что нередко затрудняет для МИД России их соотнесение с ближневосточной реальностью. В частности, избирательные кампании в России в конце 2011- начале 2012 гг. изобиловали элементами в духе антиамериканизма, антизападничества, которые объективно затрудняли формулирование более гибкого подхода к кризису в Сирии, воспринимавшейся на той волне как «форпост обороны России от агрессивного Запада».

Эти и ряд других причин затрудняют разработку гибкого подхода России, способного сохранить и нарастить ее присутствие и влияние в арабских странах, которые подверглись политической трансформации. Прежде всего, речь идет о Египте, Тунисе, Ливии и Йемене. Между тем такие перспективы сохраняются, равно как имеется и определенный инструментарий для реализации позитивных сценариев развития отношений России с указанными арабскими странами. Последствия продолжающегося противостояния сторон в Сирии пока ограничивают возможности для реализации позитивных сценариев для российской политики в указанных странах. И, тем не менее, уже сейчас, на наш взгляд, следует переосмыслить некоторые важные элементы парадигмы восприятия произошедшего, что может также сыграть положительную роль и в формулировании подхода России к сирийской проблеме (тема Сирии выносится за пределы данного доклада, поскольку должна стать предметом отдельного аналитического исследования).

Масштаб и глубина событий и политической трансформации в указанных арабских странах оказались неожиданными не только для России, но и всех крупных держав, присутствующих в этом регионе. Произошедшее, однако, показало более высокий уровень адаптивности к изменениям в регионе со стороны США и стран Евросоюза, чем России. Это можно объяснить следующими факторами: а) реалистичным (адекватным) восприятием происходящего (без мифологии); б) глубиной вовлеченности в экономические и военные сферы этих стран (финансово-экономической привязкой); в) гибкой идеологической конструкцией, лежащей в основе политических подходов (плавным переключением с тезиса «авторитарные режимы гарантируют стабильность и поступательное развитие» на тезис «демократизация желательна и неизбежна»); г) наличием влиятельных союзников в регионе, таких как Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, обладающих потенциалом воздействия на мусульманскую общину (умму) в целом и на исламистские партии и движения.

Адекватность оценки событий, связанных со вспышкой протестов в арабских странах, исходит из осознания того, что уже на начальном этапе финансово-экономические факторы были *вторичными по отношению к факторам политическим* (причем, как в тактическом плане, так и в стратегическом). Анализ политических факторов уже на том этапе не должен был сводиться к традиционной формуле – «хорошая политика предполагает хорошие отношения России с правящим режимом». Речь изначально шла о необходимости расширительной трактовки политических перспектив и стратегий (долгосрочное политическое планирование), которая предполагала проработку радикальных сценариев – вплоть до свержения казавшихся прочными правящих режимов. Именно *политические колебания России* в ходе ливийского кризиса заметно снизили влияние благоприятного для нее экономического (военно-технического и финансового) фактора в виде существенного присутствия на рынке вооружений и в энергосфере этой страны. Россия, напомним, сначала солидаризировалась

с позицией стран Запада и членов ЛАГ, а на завершающем этапе ливийского кризиса перешла к открытой критике этой позиции¹.

Сегодня уже можно доказательно говорить о природе массовых движений в Египте, Тунисе, Ливии и Йемене, более точно и взвешенно применять термины и формулировки, что принципиально важно в смысловом и политическом планах. Так, на взгляд авторов доклада, термин «революция» применим к этим событиям в основном для характеристики масштабов политической трансформации общества, изменения политического ландшафта, связанного с невиданной спонтанной активностью масс во многих арабских странах и выходом в легальное политическое поле ранее запрещенных исламистских организаций. Но он вряд ли уместен для характеристики процессов в социально-экономической сфере, равно как и в сфере внешнеполитической. Трудно назвать радикальными («революционными») и преобразования элитных групп: в том или ином виде представители прежних элит присутствуют в элитах обновленных, не говоря уже о бюрократическом аппарате и генералитете².

Отчетливо проявился феномен расширения спектра участия политических сил при устранении прежних правящих кланов (семей) и при внедрении демократических (выборных) процедур. Пока эти процессы трудно назвать устойчивыми, но именно они являются системообразующими во всех указанных странах. Поэтому, на наш взгляд, правомерно употребление термина «Арабская весна» как наиболее адекватно отражающего содержание массовых протестов, их *установку на демократизацию* всей общественно-политической жизни в этих странах, улучшение качества государственного управления и на изменение роли государства с акцентом на справедливость и социальную ответственность³. Не доминирование одной политической силы, а *коалиции различных сил* (в парламентах и правительствах) становятся важнейшей характеристикой процесса полити-

---

¹ Steed R. Russia's Putin suggests NATO tried to kill Gadhafi after strikes on Libya's leader residence // The Associated Press. 26.07.2011. URL: <http://inosmi.ru/africa/20110427/168817512.html>

² Все это далеко от модели исламской революции в Иране 1979 г., когда радикальные перемены произошли во всех сферах общества и на всех уровнях государственного управления. Слово «революция» также следует, на наш взгляд, употреблять взвешенно и для того, чтобы оно не сопрягалось с религиозными аспектами (исламом) и не воспринималось вкуче как словосочетание «исламская революция». Попытки умеренных исламистов усилить роль шариата в этих странах наталкиваются на серьезное противодействие со стороны светской части обществ и обновленных элит.

³ Слово «Весна» уже давно стало вербальным символом демократизации в международных делах, со времен «Пражской весны» 1968 г. Употребляемый время от времени применительно к данным событиям в арабских странах термин «Пробуждение» (Awakening), на наш взгляд, также имеет право на жизнь, но он пока не вошел устойчиво в политологический лексикон. Поэтому для краткости мы предпочитаем использовать термин «Арабская весна» как наиболее объемное обобщение указанных процессов, несмотря на всю его уязвимость в глазах тех экспертов, которые склонны утверждать, что, в конечном, счете «Арабская весна» быстро превращается в «Арабскую зиму» (речь о победе исламистов на парламентских выборах в Тунисе и Египте). По той же причине уязвимости термина мы стараемся избегать употребления слова «демократия», хотя речь на данном этапе действительно идет о внедрении демократических процедур выборов и норм функционирования основных ветвей власти, но при сохранении некоторых «надзорных функций» со стороны армейской верхушки (неполноценный аналог «турецкой модели»).

ческой трансформации этих стран. Другая его особенность – отход всех участников правящих коалиций от их идеологических позиций *в пользу прагматизма*. Это распространяется на все сферы деятельности правительств и обновленных элит (включая и умеренных исламистов), но особенно ярко продемонстрировали прагматизм правительства Египта и Туниса в подходе к израильско-палестинскому вооруженному противостоянию в ноябре 2012 г.: они ограничились выражением «исламской солидарности» с движением ХАМАС, приступив к посредническим усилиям в урегулировании с Израилем.

В фокусе внимания нашей аналитической группы находились процессы в высших эшелонах власти стран «Арабской весны», которые можно определить как *процессы формирования новых элитных групп* и их проецирование на внешнюю политику Египта, Туниса, Йемена и Ливии.

Эти процессы разнообразны, многогранны и изменчивы, особенно с учетом лишь обозначавшейся стабильности в этих странах после многих месяцев потрясений. До полной стабильности там, понятно, далеко. Но уже сегодня вырисовываются контуры правящих структур, системы и характера взаимоотношений между ними, полномочий и границ ответственности различных институтов власти, правила (еще не до конца определенные) функционирования этих институтов, а также основных групп влияния. Мы поставили перед собой задачу попытаться разобраться в этих процессах. *Данным докладом мы рассчитываем внести свой вклад в поиск ответов на некоторые острые вопросы: с кем по существу (а не только по протоколу) может и должна иметь дело российская дипломатия (официальная и публичная) для продвижения интересов нашего государства в этих странах, а также с помощью какого инструментария можно решить поставленные в этой плоскости задачи.*

I. Общие закономерности: от президентов-генералов к «выборному гражданскому правлению»

Потенциал относительной устойчивости арабских монархий

В данной работе мы концентрируем внимание на странах, правившие режимы которых следует характеризовать как *военно-бюрократические*, – Египет, Тунис, Ливия и Йемен. Потрясения там происходят на фоне относительной стабильности и резистентности к «Арабской весне» соседних с ними арабских монархических режимов (ситуация в Бахрейне выносится нами за скобки, поскольку рассматривается как особый случай, в котором преобладают причины конфессионального характера).

Все упомянутые республиканские режимы возникли в результате военных переворотов против их монархических предшественников. Их легитимность утверждалась силой, но в определенном политическом контексте – освобождения народов от колониального господства, утверждения национальной власти в лице военных (в основном, так называемых «Свободных офицеров»). Превратившись за несколько десятилетий в коррумпированные олигархии, эти режимы утратили в глазах своих сограждан прежнюю легитимность, которая когда-то напрямую увязывалась с национальным освобождением. Легитимностью другого типа (демократической или монархической) они не обладали, что существенно повысило степень их уязвимости. На этом фоне арабские монархии политически и психологически воспринимаются населением как относительно более легитимные режимы. Между тем факторы «сакральности» и «исторической преемственности», к которым апеллируют монархические кланы (в частности, их тезис о «генетической связи с семьей Пророка»), отчасти снижают накал протестов, но вряд ли они могут рассматриваться в долгосрочном плане как гарантии стабильности: скорее, они относятся к категории факторов иррациональных. Рациональный же механизм сравнительной устойчивости сегодняшних монархий в арабских странах скорее объясняется тем, что они имеют как минимум «один шаг в запасе». Оставаясь «над партийно-политической схваткой», король в состоянии сделать то, что реже удается президенту-диктатору, ответственному за установленный режим, – отправить правительство в отставку и тем самым «выпустить пар», сохраняя имидж фактора стабильности.

Кроме того, монархии Персидского залива – помимо «сакральности» и нефтяных богатств, используемых для снижения напряженности в обществе, – имеют еще один властный ресурс: там именно члены монаршей семьи занимают подавляющее большинство ключевых постов, в частности, в силовых структурах, чем достигается *монолитность элиты*. Расколы или даже «тихие перевороты» внутри семьи возможны, но в отношениях со своими подданными и внешним миром монаршая семья *выступает консолидированно*. У сегодняшних монархов Марокко и Иордании есть еще ряд преимуществ. Дело

не только в их молодости и «модернизированности/вестернизированности» (они, напомним, получили образование в лучших западных университетах), но и в том, что, не обладая нефтяными богатствами, они были вынуждены править более гибко, допуская большую свободу частного бизнеса, а также контролируемый политический плюрализм. Это создавало видимость их приверженности модели, в которой элементы арабо-мусульманского традиционализма сочетались с элементами современного политического плюрализма в духе (но не более того) западных стандартов. Ограниченный политический плюрализм также остается в арсенале этих монархов каналом для «выпуска пара» и относительного усмирения либерально ориентированной части общества. По-видимому, и по этой причине в этих двух странах для «умиротворения улицы» пока хватило либо символических шагов (отставка правительства в Иордании), либо своевременно одобренных королем реформ, несколько либерализующих политическую систему (Марокко). Понятно, что эти реформы не могут означать завершения «истории протестов» в Иордании и Марокко. Но там остается пространство для эволюционного развития, поскольку режимы не жестко авторитарны. В Марокко, например, Партия справедливости и развития («клон» турецких умеренных исламистов) уже давно представлена в парламенте и находит взаимопонимание с монархом (ее лидер – давний друг правящей семьи).

Забегая вперед, можно добавить, что на будущее у этих двух монархий есть еще один ресурс, которого нет у республиканских режимов: монархи в состоянии легитимизировать (одобрить, «благословить»), по сути, любой режим под своим покровительством, что гипотетически позволит ей сосуществовать и со светскими либералами, и с умеренными исламистами, не говоря уж о традиционной для этих стран элите. При этом вряд ли оправданно говорить о наличии такого же «ресурса гибкости» у монархических кланов в странах Залива. Важным элементом устойчивости монархий к волне потрясений в регионе стал и их достаточно удачный маневр с целью вписаться в «революционные события» через а) оказание финансовой помощи новым режимам и б) политическую поддержку исламистских групп и партий, которые приходят к руководству в ряде стран «Арабской весны» в результате выборных процессов. Таким образом, монархи Залива обретают имидж «содействующих политическим преобразованиям», а не препятствующих им.

Раскол среди исламистов: умеренные versus радикалы

Выход из подполья исламистских групп, создание ими политических партий – эти процессы привели к серьезному расколу внутри «довесенного» исламистского сообщества во всех рассматриваемых нами странах. На поверхность вышли ранее нивелировавшиеся внутри этого сообщества расхождения и противоречия (урегулирование которых откладывалось на потом) между относительно умеренными «Братьями-мусульманами», которые стали влиятельной легальной силой в Тунисе и Египте (несколько менее влиятельной в Ливии), и

салафитскими группами («пуританами суннитского ислама»). Ярким и драматичным проявлением этого раскола стали инициированные салафитами атаки в сентябре 2012 г. на американские посольства во многих арабских странах, но наиболее организованными они оказались в Египте и Тунисе (в Ливии, несмотря на трагическую гибель посла США, они встретили основательное противодействие со стороны властей и части населения). Внешне эти антиамериканские выступления были закамouflированы под «возмущение народных масс», оскорбленных антиисламским фильмом («Невинность мусульман»), но механизм запуска беспорядков и посланные ими сигналы оказались достаточно прозрачными и понятными всем аналитикам. По преобладающим в экспертной среде оценкам, эти сигналы лидеры салафитов адресовали, прежде всего, своим умеренным собратьям во власти – *жестче продвигать исламские нормы в политической и повседневной жизни, перестать идти на компромиссы со светскими партнерами по правительственным коалициям, а также ужесточить подходы к Соединенным Штатам.*

Эти сигналы были по-разному восприняты умеренными исламистами во власти. Так, например, Рашид Ганнуши, лидер партии «Нахда» («Возрождение») в Тунисе, спустя месяц после упомянутых беспорядков пошел на скандальное умиротворение салафитов. В ходе встречи с представителями салафитов, видеозапись которой была распространена в Интернете, Ганнуши заверил их в «единстве стратегических целей» со своей партией, призвав проявлять больше терпения, работать над установлением контроля над СМИ и в среде армейских офицеров, а не стремиться захватывать власть уже сегодня⁴. Эта видеозапись произвела шокирующий эффект на большую часть тунисского общества, равно как и на политические круги стран Запада. Спустя пару недель с учетом этого эффекта Ганнуши отмежевался публично от салафитов, сравнив их с «нацистами в Германии»⁵. Важно учесть, что сам Рашид Ганнуши не занимает государственных постов, а президент Туниса Монсеф Марзуки публично и вполне решительно критикует даже лидера «Нахды», не говоря уже о салафитах.

В Египте президент Мухаммед Мурси также публично старается дистанцироваться от салафитов, несмотря на их внушительное представительство в парламенте (представители салафитских партий составляют более 20 процентов). В состав правительства он включил одного представителя салафитов, но те отказались от предложенного министерского поста (по одной версии, из-за того, что претендовали на большее количество кресел, а по другой – чтобы не брать на себя бремя ответственности и соучастия в исполнительной власти). В Ливии салафиты также не входят в состав нового правительства. *Акцентировать различия между умеренными исламистами (прагматиками) и салафитами (радикалами), а не проводить знак равенства*

⁴ Moderate' Islamist Leader in Tunisia Strategizes with al Qaeda-Linked Salafists. URL: <http://www.defenddemocracy.org/media-hit/moderate-islamist-leader-in-tunisia-strategizes-with-al-qaeda-linked-salafi/>

⁵ Аль-Ганнуши: Мы стремимся создать гражданский строй в Тунисе // Iran Radio Islam. 30.10.2012. URL: <http://russian.trib.ir/radioislam/2010-01-13-14-54-19/2010-09-09-07-43-01/item/157911>

между ними, сегодня весьма важно применительно к ситуации во всех странах «Арабской весны».

Следует подчеркнуть, что приверженцы салафитской доктрины составляют в арабских странах меньшинство. В отличие от «Братьев-мусульман», создавших за 80 лет своей деятельности эффективные организационные структуры и активно действовавших в различных сферах (от благотворительности и образования до парламентских партий в некоторых странах), салафиты оставались до последнего времени не организованной силой, а скорее носителями ультраконсервативной идеологии, предпочитая роль «наблюдателей и хулителей» складывавшихся порядков в реальной жизни (в том числе, кстати, и в Саудовской Аравии), призывая вернуться к «первоначальной чистоте ислама VII века». Организовываться в определенные структуры они начали уже на волне событий «Арабской весны», создавая среди прочего и политические партии. Необходимость структурирования партий, определения позиций привела к расколу в салафитской среде. Часть из них начала склоняться к прагматизму (например, в Египте, где некоторые влиятельные салафитские авторитеты выступили за сохранение Кэмп-Дэвидских соглашений с Израилем, а также за конструктивные отношения с США). Другая часть салафитов остается идеологической базой для экстремистов и террористов: например, в том же Египте теперь практически легально действует Мухаммед аз-Завахири, имеющий схожие убеждения со своим братом-лидером «Аль-Каиды» Айманом Завахири. По сути, прагматики от салафитов включились в демократические процессы, которые до сих пор они называли «неисламским явлением», переняв тем самым тактику «Братьев-мусульман». Это выглядит скорее как «резкий рывок в направлении адаптации к реальности», чем как результат «естественной идеологической эволюции». Отсюда и явная раздробленность в среде салафитов в «поствесенних» арабских странах.

Сегодня достаточно очевидно, что при всем доктринальном («генетическом») родстве умеренные «Братья-мусульмане» и радикальные салафиты придерживаются во многом схожих стратегических установок, но заметно расходятся в тактике и средствах достижения общих целей, среди которых и «создание арабского халифата». Правомерна, на наш взгляд, оценка, в соответствии с которой исламисты-прагматики, *встроившись во власть, будут вынуждены заниматься решением конкретных управленческих проблем, социально-экономическим развитием страны. Соответственно, они угрожают не столько системе, в которую они вписались, сколько своим светским конкурентам. Радикалы же ведут борьбу за смену системы, а потому оказывают всяческое давление на умеренных в сторону более радикальной исламизации. Этот конфликт неизбежно будет развиваться в ближайшие годы.* Важно также подчеркнуть, что верхушка умеренных исламистов («Братьев-мусульман») – в отличие от верхушки салафитских организаций – достаточно хорошо знакома с реалиями в мире, в странах Запада, где многие из них получали образование и/или работали. Другое важное обстоятельство: салафизм в принципе враждебен шиизму, вектор влияния салафитов традиционно направ-

лен против взаимодействия суннитов и шиитов, а потому они, скорее всего, будут представлять препятствие на пути возможных попыток сближения некоторых стран «Арабской весны», например, с Ираном. Притом, что на доктринальном уровне умеренные исламисты этот вопрос (сближения с шиитами) еще, похоже, не решили, он может быть поставлен в практической плоскости с учетом относительной гибкости и прагматизма политиков-выходцев из организаций «Братья-мусульмане». Напомним, что 30 августа 2012 г. Мухаммед Мурси посетил Иран – это был первый за три десятилетия визит египетского президента в столицу крупнейшей страны, где шиизм является структурообразующим элементом общества и государства.

Расхождения между частью радикал-салафитов и умеренными исламистами обозначились не только в сфере политики, но и в религиозной среде, что наглядно выражается в так называемой «битве за Аль-Азхар» (соперничестве за преобладающее влияние на ведущий религиозный центр в Египте и признанный авторитет в исламском мире – университет в Каире). Заметим, что на протяжении столетий «Аль-Азхар» считался неким умеренным противовесом ислама суфийского толка аналогичным центрам в Саудовской Аравии, где преобладали салафиты. Именно «аль-азхаровское» толкование ислама считалось базовым для мусульман Египта и большинства других стран Северной Африки. С началом беспорядков в Каире в январе 2011 г. группа просалафитски настроенных активистов в «Аль-Азхаре» попыталась полностью разрушить расположенные на территории университета священные для суфиев захоронения. На протяжении последних месяцев распространялись слухи, что якобы новое правительство Хишама Кандиля пыталось «навязать» «Аль-Азхару» руководителя из числа салафитов. Авторитеты из университета резко возмутились стали противодействовать этому назначению, в их поддержку 9 сентября 2012 г. состоялась серия демонстраций, организованных Независимым объединением проповедников и имамов. В результате они настояли на избрании руководителя (главного муфтия) из своей среды. А сам университет остался «негосударственным образованием», т. е. не подчиненным правительству, в котором доминируют министры, сочувствующие «Братьям-мусульманам» (в частности, близкий к «братьям» министр вакуфов Талаат Афифи).

В последние несколько месяцев обозначилась еще одна тенденция – наиболее радикально настроенные салафитские группировки, объединяясь под лозунгами джихадизма и «Аль-Каиды», формируют отряды под названием «Ансар аш-Шариа» («Сторонники шариата»), которые провозглашают своей целью создание «подлинно исламского государства». Первые такие группы сформировались в Йемене в апреле 2011 г. Позднее их соратники заявили о себе в Ливии и Тунисе (на волне антиамериканских протестов в сентябре 2012 г.). Они не только оказывают давление на новые элиты в этих странах, но и постепенно превращаются в прямую угрозу последним.

В заключение данного раздела подчеркнем следующее: *оживившиеся на волне «Арабской весны» и вышедшие в легальное поле исламистские группировки размежевываются и позиционируют себя в*

трех основных ипостасях – а) умеренные исламисты («Братья-мусульмане»); б) действующие в политическом пространстве салафитские партии (крайне идеологизированные, но формально признающие демократические институты и процессы) и в) радикал-джихадисты «Ансар аш-Шариа», делающие ставку на вооруженную борьбу за свержение складывающейся демократической системы в странах «Арабской весны». Противоречия внутри этого исламистского сообщества во многом будут влиять на ход политических процессов в указанных странах. Этот реальный расклад в исламистской среде опровергает распространенный в медиа-пространстве тезис о том, что в странах «Арабской весны» к власти пришли «радикальные исламисты».

Раскол правивших элит и роль армии в событиях «Арабской весны»

Важной общей закономерностью политической трансформации в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене стала не только доминанта «низового» массового протеста («улицы») с требованием свержения правивших кланов в этих странах, но и достаточно активное вовлечение в этот процесс немалой части истеблишмента, равно как и влиятельных бизнес-групп. Речь идет о *расколе прежних элит, часть которых стремилась перепозиционироваться в преддверии падения авторитарного режима с тем, чтобы как минимум сохранить влияние, а как максимум – усилить его в новых условиях*. Особенно явно этот раскол наблюдался в Ливии, когда в условиях четко определенной линии фронта, за ее пределы, т. е. в стан оппозиции, один за другим переходили видные деятели режима Муаммара Каддафи (министры, генералы, дипломаты). Часть этих перебежчиков вошли в новые правящие структуры. Менее явно выглядел со стороны раскол истеблишмента в условиях относительно мягких революций в Египте и Тунисе. Это можно объяснить тем, что потенциальным перебежчикам из прежнего истеблишмента не было нужды «переходить линию фронта», поскольку контроль над процессом трансформации взяла на себя армейская верхушка, по сути устранившая прежних правителей (Бен Али и Хосни Мубарака) от власти. В результате большая часть прежнего военного и бюрократического истеблишмента получила возможность просто сменить вектор своей лояльности – от свергнутого президента к взявшему на себя полноту власти генералитету, а затем и к новоизбранному президенту. Это обеспечило сохранность большей части государственного (бюрократического) аппарата.

Важная роль армейского руководства в событиях «Арабской весны» не вызывает сомнений у экспертов: она была решающей как в странах, где генералы предпочли воздержаться от применения силы для наведения порядка на улицах городов (Тунис, Египет), так и в странах, где они пошли на силовое подавление восстаний (Ливия, Сирия, Йемен). Относительно самостоятельное поведение армейской верхушки в этих странах объясняется ее традиционной автономией в государственной системе. Вместе с тем, реакция генералов на массовые протесты подтвердила новую реальность: *указанные военно-бюрократические режимы уже трансформировались в де-факто бю-*

рократические, клановые, в которых роль армейской верхушки существенно сократилась в сравнении с первыми этапами становления и развития этих режимов. Генералы принимали решения с учетом двух главных критериев: а) оценки последствий падения режима для своей корпорации (ее выживания и развития); б) оценки отношения населения к армии и международно-правовых норм (т. е. перспективы быть объявленными международным судом виновниками в массовом кровопролитии).

По нашему мнению, в Тунисе и Египте армейская верхушка воздержалась от защиты режима силой, но по прямо противоположным в этих случаях причинам. В Тунисе она уже давно перестала быть экономическим бенефициаром, ограничиваясь функциями обороны страны, равно как не желала ассоциироваться с масштабной коррупцией при Бен Али. А в Египте, наоборот, генералы сочли смену режима более эффективным способом защитить свои «обширные интересы в экономической сфере», сделав выбор в пользу преобразования режима по гражданско-демократическим лекалам, но при сохранении своего автономного и привилегированного положения. В Ливии же и Йемене (а также особенно наглядно в Сирии) большая часть генералитета, судя по всему, основательно идентифицировала себя с режимом, полагая, что с его падением лишится всего. Но и в этих двух странах общая тенденция раскола элит коснулась и армейской верхушки – вопрос сводится к пропорции между представителями высшего военного командования, оставшихся лояльными прежним правителям, и теми, кто перешел на сторону оппозиции. Пришедшие сами к власти в результате военного переворота Муаммар Каддафи и Абдалла Салех держали на ключевых постах в армии и спецслужбах своих ближайших родственников, в основном сыновей и племянников. Тем самым они смогли обеспечить себе лояльность наиболее боеспособных соединений. Но во многом именно это обстоятельство (силовой ответ на выступления протестующих) и стало прологом к массовому кровопролитию и гражданской войне в Ливии. В значительной мере это сегодня относится и к ситуации в Сирии. В Йемене масштабного кровопролития удалось избежать во многом благодаря племенной структуре государства и армии. Лидерам оппозиционных Салеху племен удалось добиться согласия ряда видных военных деятелей с принципом «первичной лояльности», т. е. верности племени в первую очередь, а затем уже верности президенту. Иными словами, если бы Салех пошел на силовое решение, то он столкнулся бы с серьезным расколом в армии, что, вполне вероятно, оказалось бы не в его пользу.

Сыграв определяющую роль в указанных событиях, армия перестает быть доминирующей силой в Ливии (там она создается заново) и в Тунисе; остается доминирующей, но разобщенной силой в Йемене. В Египте армия по-прежнему влиятельна и сегодня. Это объясняется рядом факторов: несопоставимой с армиями других арабских стран численностью, ролью оборонной промышленности в экономике, сохранением внешних угроз (прежде всего, со стороны террористов на Синае, а в основном в контексте противостояния с Ираном и частич-

но с Суданом), равно как ролью, которую генералитет (в частности, фельдмаршал Тантауи) играл в период политического транзита (после Мубарака). Сегодня многие египтяне рассматривают армию как гарантию недопущения исламизации страны, желая сохранить ее влияние и в политической жизни. Однако следует учитывать, что назначенный президентом Мурси новый министр обороны Абдель Фаттах ас-Сиси одним из первых решений отправил в отставку около 70 генералов и основательно обновил состав Высшего совета вооруженных сил⁶.

Внешнее влияние – США, Саудовской Аравии и Катара

Оно оказало смягчающий эффект на ход событий в Египте, Тунисе и Йемене, и прямо противоположный – нагнетающий – в Ливии. *Причина в односторонней направленности вектора этого влияния* – к решению проблемы через уход правивших лидеров и групп, а также путем вероятной смены режима в целом (что не всегда синонимично). Позиция Вашингтона, Эр-Рияда и Дохи означала для Бен Али, Мубарака, Каддафи и Салеха, прежде всего, сигнал отказа им в международной поддержке.

Там, где вопрос об уходе прежних лидеров был решен достаточно быстро, сразу запускалась посредническая миссия США, Саудовской Аравии и Катара (частично также и ООН) для налаживания либо переговорного процесса между уходящим лидером (в Йемене) и оппозицией, либо для обеспечения переходного периода при опоре в основном на проамерикански настроенную армейскую верхушку (Египет и Тунис). Правящие группы Ливии и Сирии отказались уйти в отставку в качестве предварительного условия налаживания общенационального диалога, что изменило логику внутреннего конфликта в этих странах. Вместо переговорно-трансформационного процесса здесь наблюдалось кровавое противостояние в стиле гражданской войны. В результате изменились и функции указанных внешних факторов: из посредников, как это было в Тунисе, Египте и Йемене, Вашингтон, Эр-Рияд и Доха превратились в сторонников воюющей оппозиции. В Ливии это было оформлено в виде партнерства НАТО с арабскими монархиями Персидского залива, а в случае с Сирией – в формате «Стран-друзей сирийского народа».

Важно подчеркнуть и такой аспект внешнего воздействия, как объективно сложившееся «разделение сфер» политического влияния указанных государств на страны «Арабской весны». Если США пустили в ход имевшиеся у них рычаги влияния на армейскую верхушку и частично на светскую оппозицию в Египте, Тунисе и Йемене, то Саудовская Аравия и Катар располагали определенными (финансовыми и идеологическими) рычагами воздействия на исламистские движения в этих странах. Такая комбинация оказалась достаточно продуктивной – она не только снизила риски возгорания гражданского противостояния, но и позволила запустить демократические процедуры выборов новой власти с участием в них исламистских партий.

⁶ Enein A. Al-Sisi decides on the new SCAF formation // The Daily News Egypt. 03.09.2012.

II. «Новые элиты» или новые правила игры

Если в Ливии после свержения режима Каддафи процесс строительства государственной и политической системы был начат практически с нуля (создание партий, введение института выборов, формирование правительства большинством членов Всеобщего конгресса, создание свободных СМИ, выстраивание новой системы отношений между тремя основными регионами страны и т.д.), то в Египте, Тунисе и Йемене речь шла о наполнении новым содержанием уже существовавших институтов и процедур. Механизм политических преобразований в этих трех странах выглядит так: а) устранение правивших семейных кланов; б) допуск в легальное поле ранее запрещенных политических сил (в основном, исламистов и либерально-демократических организаций); в) установление прозрачных, недискриминационных избирательных процедур при усилении надзорно-арбитражных функций судов и избиркомов всех уровней, а также армейской верхушки (в Египте – Высшего совета вооруженных сил – ВСВС); г) формальное устранение правительственной цензуры в сфере информации. В отсутствие гражданского противостояния в этих странах право на участие в политической жизни не только получили новые игроки, но и сохранили его большинство представителей прежних правящих элит (за исключением наиболее одиозных фигур павших режимов и при роспуске прежних правивших партий). В Египте и Тунисе сработал эффект «отсроченного гражданского общества» (в основном сформировавшегося при режимах Мубарака и Бен Али, но ограничивавшегося ими). В Йемене в целом сохранена политическая система с сильными трайбалистскими особенностями, сложившаяся при Абдалле Салехе.

Для сравнения заметим, что в этих трех странах не произошло «зачистки» элитных групп предыдущего режима по сценарию исламской революции в Иране 1979 г., где полностью было искоренено присутствие шахских элитных групп во всех сферах жизни. Сегодня в большинстве случаев даже видные деятели прежнего режима возвращаются в политическую жизнь, но под знаменами новых партий. Яркий пример тому – Ахмед Шафик, бывший министр при Хосни Мубараке, уступивший с минимальным счетом Мухаммеду Мурси на президентских выборах летом 2012 г. В Йемене президентом стал Абд Раббо Мансур Хади, заместитель ушедшего Али Абдаллы Салеха. Иными словами, мы наблюдаем *процесс обновления правящих элит в Тунисе, Египте и Йемене* путем прорыва в них ранее находившихся в нелегальном (или полулегальном) поле исламистских групп, которые, получив большинство на всеобщих выборах, пытаются утвердить свое лидирующее положение, сталкиваясь на этом пути с серьезными ограничителями в виде соперничающих политических партий и групп, армейской верхушки и гражданского общества. Поначалу общим поведенческим элементом оказавшихся в верхнем эшелоне власти умеренных исламистов было их стремление действовать осторожно, поступательно с тем, чтобы не провоцировать резкой протестной реакции со стороны общества и политических против-

ников. Однако египетский президент Мухаммед Мурси явно отошел от этой модели поведения в ноябре-декабре 2012 г., спровоцировав своими политическими инициативами кризис в стране. Под давлением оппозиции, судейского корпуса и отчасти армейской верхушки он оказался вынужден отступить, пойти на тактический компромисс, но, в конечном счете, смог добиться поставленных целей (утверждения новой конституции). Логичен вопрос: останется ли этот инцидент исключением для поведения исламистов во власти или станет элементом их модели правления?

Важно подчеркнуть, что реальной (при упомянутых ограничениях) политической силой умеренные исламисты стали только в Тунисе и Египте, где они победили в ходе парламентских выборов. В Ливии и Йемене они не добились такой победы, но входят в состав правительства на условиях коалиционных соглашений.

Египет: небезраздельная власть умеренных исламистов

Получив одновременно большинство в парламенте и президентский пост, умеренные исламисты добились наибольшего успеха именно в Египте в сравнении с другими странами «Арабской весны». Однако в середине июня 2012 г. парламент с преобладавшими в нем умеренными исламистами был распущен под давлением Высшего совета вооруженных сил (ВСВС), но решением Высшего конституционного суда. После победы в июле на президентских выборах исламиста Мухаммеда Мурси установился временный баланс между исламистами и генералами. Этот баланс отразился и на составе правительства. Но в августе Мурси осуществил перестановку в армейском руководстве, чем усилил собственные позиции во власти. Влияние ВСВС несколько сократилось, хотя автономия генералитета и армии как властной структуры сохраняется. *Достаточно жесткие ограничители для всевластия исламистского президента со стороны светских партий и части армейского офицерства наглядно проявились в ходе массовых беспорядков в Каире и других городах в конце ноября - начале декабря 2012 г. – в знак протеста против серии президентских указов, которые существенно расширили полномочия Мурси.*

Сразу после своей победы на выборах Мухаммед Мурси, формально покинувший Партию свободы и справедливости, созданную на базе ассоциации «Братьев-мусульман», пообещал стать «президентом для всех египтян»⁷. Из его высказываний следовало, что правительство будет деидеологизированным, технократическим. В данном случае это не просто обычная риторика, как в случае любого президента в любой стране: Мурси был вынужден обеспечить «выживаемость» и функционирование новых руководящих органов (президента и правительства) в условиях доминирования ВСВС, с одной стороны, недовольства светской части политического спектра, с другой, и пристального внимания со стороны Вашингтона, опасая-

⁷ Зуауи Н. Мухаммед Мурси обещает быть президентом для всех египтян // РИА Новости. 18.06.2012. URL: http://ria.ru/arab_eg/20120618/675673334.html

щегося тотальной исламизации Египта, с третьей. Нельзя игнорировать и четвертый фактор давления на Мурси – исламистов-радикалов (салафитов). При этом Мурси все-таки попытался сформировать в правительстве блок из своих политических соратников – умеренных исламистов («Братьев-мусульман»).

На первый взгляд, правительство Мурси действительно выглядит как технократичное и деидеологизированное. Но при более пристальном рассмотрении персоналий становится понятно, что в нем преобладают политические и идеологические соратники президента. Это люди, либо напрямую связанные с «Братьями-мусульманами» (минимум пять министров, в основном курирующие социальную политику и образование), либо формально не связанные, но достаточно открыто сочувствующие им, либо неисламисты, которые настроены на скорейшее преодоление «наследия Мубарака», т. е. убежденные потенциальные оппоненты ВСВС. По-видимому, в качестве примирительного жеста Мурси сохранил на прежних постах и двух министров (иностранных дел и финансов), назначенных руководством ВСВС в предыдущем (временном) составе правительства, равно как подтвердил верность договоренности с генералами «не вмешиваться в дела и в назначения внутри министерства обороны». Такой же подход новый президент продемонстрировал к системе МВД, согласившись с предложенным руководством этого ведомства кандидатом, который якобы «не запятнал себя кровью при Мубараке». Есть в правительстве и представительница христианского меньшинства (коптов) – это министр научных исследований Надия Захари. Предложил Мурси один министерский пост и салафитам, но те отказались, поскольку якобы рассчитывали не на одно, а на несколько кресел в правительстве.

Ключевой в кадровом маневре Мурси, несомненно, стала фигура молодого (49 лет) и энергичного премьер-министра *Хишама Кандиля*. В данном случае он символизирует собой сразу несколько важных для Мурси аспектов. Во-первых, определенную преемственность: он работал в госорганах еще при Мубараке, а в феврале 2011 г. был назначен министром водных ресурсов в первом послемубараковском правительстве. Во-вторых, Кандиль получил образование и докторскую степень в США (как и сам Мурси), в университете Северной Каролины, что должно внушать определенное доверие в общении с американской стороной. В-третьих, он известен как «практикующий мусульманин», хотя и не принадлежал ни к одной исламистской организации. В-четвертых, Кандиль воплощает образ технократа, поскольку никогда не был членом никакой политической партии.

Подобный состав правительства свидетельствует о намерении Мухаммеда Мурси балансировать между существующими центрами силы в стране (армией и после устранения влиятельных генералов времен Мубарака, МВД и бюрократией, в основном сохранившейся со времен Мубарака), а также продолжить конструктивные отношения с США и Саудовской Аравией. Состав и архитектура правительства соответствуют заявлениям президента о намерении приступить в первую очередь к разрешению обрушившихся на страну (в основ-

ном как результат «революции») экономических проблем. С этой целью Мурси явно стремится вывести из-под ожидаемой (в случае нарастания экономических трудностей) критики министров-исламистов, которые призваны заниматься в основном социальной политикой, но не экономикой. Одновременно это свидетельствует и об отсутствии в окружении президента планов внести существенные коррективы во внешнюю политику, по крайней мере, в сравнении с периодом правления ВСВС. Можно также предположить, что Мурси сознательно избегает более широкого представительства исламистов в правительстве в ожидании новых парламентских выборов, по результатам которых будет сформировано новое правительство. Тогда, по-видимому, он рассчитывает получить большую свободу рук и расширить «исламистский блок» в правительстве путем назначения своих идеологических соратников на более значимые посты, чем сейчас.

Внешнеполитические маневры Мурси. Первые признаки «нового внешнеполитического курса» Мурси проявились достаточно быстро: 30 августа 2012 г. он посетил Иран с целью участия в саммите Движения неприсоединения. Стоит отметить, что с момента исламской революции в Иране ни один египетский президент не приезжал в эту страну. Этот визит длился несколько часов и не был официальным, хотя в Тегеране Мурси встретился с представителями иранского руководства. Собственно, это была рабочая остановка в столице Ирана по пути египетского президента в Китай. Наблюдатели отметили, что Пекин Мурси посетил раньше, чем Вашингтон. Но большинство аналитиков сходятся во мнении, что в обозримом будущем не может идти речи об основательном сближении Египта с Ираном. Эта остановка в Тегеране, как и визит в Пекин, были призваны, скорее, продемонстрировать «новую эру во внешней политике Египта», ее «независимость от США». Следовательно, эти действия в большей степени продиктованы внутривосточными соображениями, а не реальными изменениями региональной политики Каира⁸. Тем более что Мурси выступил на конференции в Тегеране с резкими заявлениями против режима Асада в Сирии, что вызвало открытое недовольство иранского руководства.

На данном этапе, судя по всему, речь идет не о попытке правящей в Каире группы исламистов всерьез установить союзнические отношения с Тегераном и тем самым дистанцироваться от традиционных финансово-экономических спонсоров Египта – США и Саудовской Аравии. Скорее команда Мурси пытается расширить поле возможностей для репозиционирования Египта в качестве влиятельной силы в регионе. А это, как считают, например, аналитики американского Совета по международным отношениям, может оказаться совсем не плохим вариантом для США – при условии, конечно, что отношения Каира с Вашингтоном вновь будут устойчиво улучшаться⁹. Перспек-

---

⁸ Morsi's Iran Visit: Three Things to Know / Steven A. Cook, Hasib J. Sabbagh // Council on Foreign Relations. 30.08.2012. URL: <http://www.cfr.org/egypt/morsis-iran-visit-three-things-know/p28905>

⁹ Ibidem.

тивы именно такого сценария остаются достаточно обнадеживающими для Вашингтона: США сохраняют рычаги влияния на обновленное армейское руководство Египта, продолжают проводить традиционные военные маневры и учения (например, в сентябре 2012 г. проведены совместные учения ВВС США и Египта под Александрией).

Из других внешнеполитических тенденций команды Мурси можно отметить установление привилегированных отношений Каира с правящей в секторе Газа группировкой исламистов ХАМАС, что заметно раздражает даже не столько Израиль (он к этому готов), сколько соперников ХАМАС – официальное руководство Палестинской национальной администрации в лице Махмуда Аббаса. Не могут не настораживать и радикальные высказывания соратников Мурси по Партии свободы и справедливости. Так, советник партии по связям с прессой Ахмед Субеи заявил в интервью иранскому телеканалу «Аль-Алам», что «мирный договор с Израилем – печать позора на египетском народе»¹⁰. По его словам, этот договор должен быть пересмотрен, «чтобы Египет вернул суверенитет над своей территорией». Сохранение Кэмп-Дэвидского договора, уточним, – принципиальная составляющая политики США в отношении Египта. Вашингтон в этом плане обнадеживает тот факт, что сам Мурси высказывается по этому вопросу существенно менее радикально, чем люди из его окружения. Последние, надо полагать, делают это, прежде всего, в целях PR с тем, чтобы создать впечатление «кардинальных перемен» в политике Каира.

Вряд ли, однако, оправданно предполагать, что команда президента Мурси решится на радикальный пересмотр традиционно союзнических отношений с Вашингтоном: экономика Египта оказалась в плачевном состоянии, что вынуждает Каир обращаться за помощью к ближайшим союзникам США в регионе – Саудовской Аравии и монархиям Персидского залива. Не намерена отказываться команда Мурси и от американской помощи, несмотря на инициированные по этому вопросу салафитами дискуссии в парламенте страны. Более того, в начале августа 2012 г. правительство Египта запросило у США кредит в размере 500 млн долларов для обеспечения выполнения госбюджета¹¹. И это, несмотря на атмосферу напряженности, которая приводит к спорадическим взрывам массовых протестов, как, например, атака на посольство США в Каире 11 сентября (из-за демонстрации в интернете фильма «Невинность мусульман», расцененного исламистами как «оскорбление пророка Мухаммеда»). На фоне беспорядков, охвативших Египет в середине сентября, Мухаммед Мурси, находясь в штаб-квартире Евросоюза в Брюсселе 13 сентября, публично заявил о готовности и обязанности новых властей страны обеспечить безопасность граждан США и Евросоюза на территории Египта¹². Кроме того, нет никакой крупной региональной страны или

¹⁰ Egyptian MB Media Advisor Ahmad Sabi: Camp David Accords Brought Cancer, Hepatitis, and Kidney Infections to Egypt // Al-Alam TV (Iran). 22.08.2012. URL: <http://www.memritv.org/clip/en/3556.html>

¹¹ Reuters. 06.08.2012.

¹² Мурси пообещал защищать американцев в Египте // Евроньюс. 13.09.2012.

мировой державы, на которые новое руководство Египта гипотетически могло бы ориентироваться в стратегическом плане, как делали все предшественники Мурси на президентском посту, вступая в отношения «тесной зависимости» то с СССР, то с США. На данном этапе Китай, куда Мурси нанес свой первый зарубежный визит, вряд ли может рассматриваться как серьезная «стратегическая альтернатива» Соединенным Штатам. Скорее всего, новое руководство Египта возьмет курс на наращивание собственных позиций в регионе, на усиление роли Египта, возможно, подобно Турции (с ее нынешней политикой «неоосманизма», т. е. расширения влияния в регионе в пределах бывшей Османской империи), а отчасти Ирану (создание центра силы и распространения своего влияния на секторальной, т. е. религиозной, основе).

Отсутствие заметных жестов правительства Мурси в адрес Москвы, скорее всего, носит не столько принципиальный (идеологический) характер, сколько обусловлено сложившейся политической конъюнктурой, определяемой главным образом конфликтом вокруг Сирии. Правительство Египта, судя по всему, не может себе позволить в данных обстоятельствах сколь-либо значимые положительные оценки политики России в регионе, прежде всего, из-за ее позиции по Сирии. Если в случае с Ираном Мурси попытался произвести комбинированный демарш, проявив «исламскую солидарность» с Тегераном, но при этом подчеркнув расхождения по Сирии, то в отношении России сделать жест он пока не в состоянии. Причина этого, надо полагать, не только в расхождениях Каира и Москвы по Сирии, но и в недовольстве египетских исламистов общей позицией России по поводу «Арабской весны» (в Москве, напомним, определенный сегмент экспертного сообщества и политической элиты считает, что арабские революции «спровоцированы» Западом). И, тем не менее, Мурси с благодарностью воспринял переданное им 5 ноября Сергеем Лавровым приглашение посетить Россию¹³.

Тунис: светско-исламистский конгломерат

Высшие посты в «поствесеннем» Тунисе распределены по результатам коалиционного соглашения партий, победивших на выборах в Учредительное собрание в октябре 2011 г. Главой Тунисской Республики стал *Монсеф Марзуки*, правозащитник, либерал европейского типа, председатель светской партии «Конгресс за республику». Премьер-министр – *Хамади Джебали*, один из лидеров умеренно-исламистской партии «Ан-Нахда» («Возрождение»). Спикер парламента – *Мустафа Бен Джаафар*, лидер светской партии Демократический блок за труд и свободу («Ат-Такатуль»).

Процесс политической трансформации в Тунисе в самом разгаре. Он характеризуется формированием новых элитных групп, адаптацией старых элит к новым условиям, установлением нового баланса политических сил, кристаллизацией внутреннего конфликта между

¹³ Даминов Р. Президент Египта собирается в ближайшее время в Россию // РИА Новости. 05.11.2012. URL: <http://ria.ru/politics/20121105/909545252.html>

исламистами и светско-демократическим лагерем. Одним из первых результатов начавшейся демократизации Туниса стал прорыв во властные структуры исламистских движений, которые за годы правления Бен Али подвергались серьезным репрессиям, действуя в нелегальном поле. В Тунисе, как и в Египте, исламисты представляли наиболее организованную политическую силу, к тому же – с ореолом мученичества; их победа воспринималась населением как заслуженная компенсация за годы репрессий и преследований. *Т.е. произошла «верхушечная» смена элит и уход сил, связанных с прежней системой, в оппозицию, но под другими «знаменами», поскольку правящая партия Бен Али (Демократическое конституционное объединение – ДКО) была запрещена.*

В риторике тунисской политической элиты ставка делается на компромисс, разумный консенсус между основными политическими и общественными силами страны. Однако на практике «Нахда» пытается навязать собственный исламистский проект. Политическая линия исламистов порой весьма лицемерна: например, до формирования временного правительства лидеры «Нахды» заявляли о стремлении построить в Тунисе правовое государство и давали соответствующие обязательства, а в процессе работы над новой конституцией ее представители предприняли попытки внести упоминание шариата в качестве основного источника права, а также расширить присутствие норм шариата в основном законе, в частности, в виде ограничения прав женщин.

Внутри самой «Нахды» конкурируют два течения – умеренно исламистское и радикально-консервативное. Последнее близко по своим взглядам к салафитам. Его представители, в том числе руководитель партийной фракции в Учредительном собрании Сахби Атиг, выступили за введение шариата в конституцию. Под давлением салафитов и консервативного крыла «Нахды» лидер партии Рашид Ганнуши оказался в сложном положении. С одной стороны, «Нахда» вроде бы призвана защищать «арабо-мусульманский характер Туниса», а с другой – руководство партии пообещало стать политической силой, способной «объединить различные сегменты тунисского общества, в том числе и светско-либеральные, и содействовать укреплению национального единства в стране»¹⁴. Салафиты стремятся укрепить свои позиции, критикуя политические компромиссы «Нахды», обвиняя ее руководство в «торговле религией».

Давление салафитов, требующих немедленной исламизации политической и общественной жизни, создает проблемы для умеренных исламистов. Ганнуши понимает, что форсирование исламистского проекта может обернуться против самих исламистов, особенно на фоне резко обострившихся противоречий внутри тунисского общества. В стране усугубляется раскол между теми, кто поддерживает исламистов, и теми, кто выступает за развитие Туниса по светскому и либерально-демократическому пути. Противоречия внутри исла-

¹⁴ Tunisie. Ennahdha savoure sa victoire et tend la main aux autres parties // Kapitalis. 25.10.2011. URL: <http://www.kapitalis.com/fokus-national/6513-tunisie-ennahdha-savoure-sa-victoire-et-tend-la-main-aux-autres-parties.html>

мистского лагеря нарастают в преддверии президентских и парламентских выборов, назначенных на июнь 2013 г.

Успех умеренных исламистов на выборах изменил их цели и стратегию: от завоевания власти они переходят к решению задач по ее удержанию через эффективное управление в ситуации обострившихся социально-экономических проблем. «Нахда» постарается использовать любые средства для противодействия в сфере политики новым либерально-демократическим силам и старой гвардии и будет предпринимать популистские шаги для удержания народной поддержки.

Важными игроками в новых условиях остаются в Тунисе и представители прежних политических элит, тесно связанные с бывшей системой. Это, прежде всего, партийные функционеры, чиновники высшего и среднего звеньев, силовики, бизнесмены, создавшие свои компании при покровительстве режима Бен Али. Свои посты сохранили многие руководители среднего и высшего звена в министерствах, других госучреждениях национального и регионального уровней. Парадоксальная ситуация сложилась в «главном» тунисском ведомстве – Министерстве внутренних дел. Так, нынешний глава МВД, представитель «Нахды» Али аль-Арид не смог «провести чистку» внутри собственного ведомства, столкнувшись с сопротивлением этой слаженной системы¹⁵.

Показательно также, что некоторые бывшие высокопоставленные чиновники вознамерились вернуть прежние позиции и привилегии через участие в политической деятельности. Они сменили прежнюю риторику на демократическую и создают собственные политические партии, чтобы вписаться в новую политическую систему. Так, например, Камель Морджан, занимавший при Бен Али посты министра обороны и министра иностранных дел, создал партию «Мубадара» («Инициатива»), которая объединяет членов распущенной в марте 2011 г. ДКО, выступающих отныне под демократическими лозунгами. Партии даже удалось завоевать 5 мест (из 217) на выборах в Учредительное собрание. Аль-Баджи Каид ас-Себси (бывший член ДКО, временно возглавлявший тунисское правительство после бегства Бен Али) при новой власти также основал партию «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса»). Партия ас-Себси, получившая два места в Учредительном собрании, позиционирует себя в качестве центристской силы с либеральным уклоном, заявляя о противостоянии «Нахде». Это стало возможно из-за отсутствия закона о люстрации (политическая практика, состоящая в законодательном ограничении прав некоторых категорий лиц, выделяемых по профессиональным, партийным, религиозным или иным признакам). Таким образом, уход самого Бен Али не привел к естественному разрушению коррупционной системы и патрон-клиентных связей, на которых во многом основывался его режим: политико-экономическая элита в основном осталась либо у власти, либо ушла в тень, либо сменила идеологию и выступает за демократию и плюрализм.

¹⁵ Запись беседы с председателем Тунисской партии Мариам Мнавуар (Личный архив И.М. Моховой). Тунис. 09.08.2012.

Прошедшие выборы показали, что либерально-демократический лагерь, пока еще слабый в организационном плане и не пользующийся массовой народной поддержкой, вынужден заключать тактические альянсы с партиями, созданными представителями старого режима. Общей для «бывших» и либералов становится задача противодействовать исламистам. В этом плане политическое противостояние между исламистами и неисламистами отражает картину общественных настроений и проецирует на сферу политики конфликт внутри тунисского общества.

Вполне ощутимо заявляет о себе и давно формирующееся в стране гражданское общество, опирающееся на независимый сегмент в медиа-среде. Активные усилия различных общественных ассоциаций стали дополнительным фактором невключения норм шариата в проект конституции и сохранения правового равенства между мужчиной и женщиной.

Внешнеполитические ориентиры Туниса в «поствесенний» период остались прежними. Ввиду тесных политических, экономических связей с Европой и в первую очередь с Францией, новые власти сохраняют преемственность прошлого курса. Более того, эти связи Тунис попытается укрепить и расширить, поскольку социально-экономическое развитие страны находится в прямой зависимости от стабильных отношений с Евросоюзом и США. *В качестве приоритетов внешней политики президент Туниса Марзуки выделил евро-средиземноморское партнерство (которое для страны является стратегическим), сотрудничество со странами Магриба и активизацию африканского направления.*

Франция остается главным внешнеполитическим партнером Туниса. Несмотря на первоначальную позицию Парижа по поддержке Бен Али, создавшую напряженность между новыми тунисскими властями и Францией, обе страны «перевернули страницу» прошлого. Гладкому переходу к новой странице двусторонних отношений способствовала смена французского руководства. Власти Туниса надеются получить от Франции экономическую помощь для преодоления переходного периода, рассчитывают на списание долга и на привлечение прямых французских инвестиций. Что касается Саудовской Аравии, активизировавшейся в странах «Арабской весны», то, во-первых, несмотря на дефицит финансово-экономических ресурсов и стремление привлекать новые инвестиции, перспективы сотрудничества с ней представляются проблематичными. Отчасти они омрачаются фактом нахождения Бен Али на территории королевства. Во-вторых, власти критикуют Эр-Рияд за его религиозно-проповедническую активность на территории Туниса, а также за финансирование тунисских салафитов. В итоге в отношении Эр-Рияда Тунис занимает сдержанную и настороженную позицию. Вместе с тем страна заявляет о готовности принимать саудовские инвестиции. Отношения Туниса с Россией, которые, заметим, никогда не были приоритетными для этой страны, скорее всего, не претерпят изменений.

Ливия: евро-либералы доминируют над исламистами

Вопреки многочисленным предсказаниям, Ливии удалось избежать самого драматического сценария: страна сохранила свою территориальную целостность, преодолела угрозу масштабных межплеменных столкновений на манер «нескольких гражданских войн» в Ираке в 2006-2007 гг. Несмотря на сохраняющуюся нестабильность в отдельных районах и вылазки вооруженных групп (серьезные столкновения в октябре 2012 г. произошли между племенами Мисрата и Бени Валид), в целом эксперты оценивают переходный период после свержения режима Муаммара Каддафи как относительно «мягко протекающий». Во многом это объясняется договороспособностью лидеров основных партий и альянсов, победивших на всеобщих парламентских выборах в июле 2012 г. (парламент – Всенародный национальный конгресс – ВНК): светского, либерального «Союза национальных сил» во главе с *Махмудом Джибрилем* (39 мандатов по партийным спискам) и умеренных исламистов из «Партии справедливости и строительства» – 17 мандатов (их часто называют, как и в Египте, политическим крылом движения «Братья-мусульмане»). Примечательно, что на выборах потерпели поражение радикал-исламисты во главе с Абдельхакимом Бельхаджем (партия «Хизб аль-Ватан»). Всего в составе парламента 200 депутатов, 120 из которых в качестве независимых, по сути, представляют различные кланово-племенные группы.

Процесс поиска компромиссов между победителями был достаточно напряженным. В августе парламент избрал своего председателя и де-факто главу государства – *Мухаммеда аль-Магарифа*, который на протяжении трех десятилетий, находясь в эмиграции, боролся с режимом Каддафи. Будучи лидером партии «Национальный фронт» (создана в мае 2012 г.), сам он позиционирует себя в качестве либерала европейского типа (по оценкам экспертов, Магариф представляет крайне либеральное крыло парламента).

Вполне вероятно, что утвержденный в начале ноября 2012 г. парламентом очередной состав правительства (после неодобрения парламентом предыдущего состава) окажется жизнеспособным и устойчивым (его мандат действует в течение 12 месяцев, до новых всеобщих выборов на основе новой конституции). Премьер-министром назначен *Али Зейдан Мухаммед*, бывший высокопоставленный дипломат при режиме Каддафи, перешедший на сторону оппозиции. В парламент он прошел как независимый депутат. Состав правительства в целом отражает соотношение между основными политическими блоками в парламенте – светскими либералами и умеренными исламистами, включая независимых, а также лиц, работавших при прежнем режиме.

Легитимность новой власти – с учетом ее переходного характера – практически не подвергается сомнению среди ливийцев: в парламентских выборах участвовали около 60% избирателей (2,7 млн. граждан страны, имеющих право голоса). Одной из своих главных задач новый премьер называет радикальное реформирование армии и

полиции с тем, чтобы стабилизировать ситуацию в стране законными методами. Речь идет в первую очередь о необходимости подавления очагов вооруженных стычек, для чего требуется добиться сдачи оружия от вооруженных группировок и гражданских лиц. Проблемы выстраивания отношений между тремя основными провинциями, между центром и регионами правительство и парламент намерены решать как политическими, так и силовыми методами.

Таким образом, складывающаяся в Ливии ситуация политического транзита – несмотря на предельный накал гражданской войны в 2011 г. – подтверждает все вышеизложенные закономерности стран «Арабской весны» в том, что касается формирования элитных групп. В данном случае наблюдается еще большее, чем в трех других рассматриваемых странах, преобладание в высших эшелонах власти светских, либеральных сил, которые в полной мере олицетворяют такие фигуры, как президент Магариф, премьер-министр Али Зейдан и лидер крупнейшей парламентской партии Махмуд Джибриль.

Во внешней политике опять же провозглашается линия на партнерство со странами Запада (США и Евросоюз), формальная арабо-исламская солидарность, но при критическом отношении к Катару со стороны элитных групп и населения, что связано с чрезмерно активными попытками Катара влиять на становление нового уклада общественно-политической жизни в стране. Новое руководство Ливии планирует также рассмотреть возможности возобновления взаимодействия с Россией, в частности, в сфере ВТС, но с учетом «политической корректировки», а именно – резкого изменения позиции России в ходе восстания против Каддафи с положительного для оппозиции («линия президента Медведева») до резко отрицательного («линия премьер-министра Путина»). Понятно, что пока не может быть речи о создании для российских компаний особо благоприятных условий.

Йемен: внутриэлитные перемены – политическая преемственность

Эта страна небезосновательно считается одной из самых бедных и проблемных в арабском мире. В большей степени, чем другие арабские страны, Йемен подвержен угрозе сепаратизма на юге и на севере, а также террористической активности «Аль-Каиды», укоренившейся достаточно глубоко в этой части Аравийского полуострова. Сочетание таких факторов, как экономическая разруха, угроза территориальной дезинтеграции и превращения в опорную базу «Аль-Каиды», обусловили повышенное внимание к судьбе Йемена со стороны соседних арабских монархий, а также Соединенных Штатов. Важной особенностью рассматриваемых нами процессов в Йемене стал тот факт, что *решение о механизме и содержании политической трансформации было выработано и продиктовано йеменским элитам извне* (Саудовской Аравией, монархиями Залива и Соединенными Штатами). Этот механизм был принят противоборствующими сторонами в самом Йемене. В результате Абдалла Салех (северянин) покинул президентский пост, а его место занял его же заместитель Абд

Раббу Мансур Хади (южанин). В конце февраля 2012 г. в результате прошедших выборов Хади получил новую и вполне убедительную легитимность в общенациональном масштабе. И все же, несмотря на то, что он выходец из южной провинции (Абьян), его авторитет там остается сегодня невысоким – во многом еще и потому, что именно на юге страны сторонники «Аль-Каиды» из группировки «Ансар аш-Шариа» чувствуют себя достаточно вольготно.

Став во главе государства, новый президент провел реструктуризацию правительства, армейской верхушки и части губернаторского корпуса в провинциях. Пытаясь установить межплеменной и политический баланс на свой манер, Хади уволил и некоторых верных сторонников Салеха, что привело к волне беспорядков. В результате некоторые кадровые решения ему пришлось пересмотреть, но в целом президенту удалось обновить свою опорную базу, назначив на важные посты (особенно в системе государственной безопасности и разведки) выходцев из его родной провинции Абьян. Поводом для решительных перестановок в силовых структурах стало покушение на министра обороны Мухаммеда Насера Ахмед Али 11 сентября 2012 г. (тогда при взрыве заминированного автомобиля погибли 13 человек, но сам министр выжил).

В новом раскладе сил особое значение приобретает фигура главы правительства: им остается назначенный еще Салехом лидер светской оппозиции *Мухаммед Басиндва* (также выходец из южных провинций Йемена). Этот политик был членом правящей партии до начала 2000-х годов, когда он выступил оппонентом президенту Салеху, позиционируя себя в качестве независимого политика. Басиндва считается одним из инициаторов протестного движения в начале 2011 г. В 1993-1994 гг. он был министром иностранных дел Йемена.

Мухаммед Басиндва руководит *коалиционным правительством с участием шести партий*, сформировавших оппозиционную коалицию «Лика муштарак». В ней преобладают две силы – партия умеренных исламистов «Ислах» («Йеменское движение за реформы») и Йеменская социалистическая партия, в основном представляющая южные провинции страны. Особенность наиболее влиятельной партии «Ислах» в том, что в ее составе несколько достаточно противоречивых группировок: сторонники умеренных «Братьев-мусульман», сторонники салафитов и ряд племенных групп. В марте 2012 г. в стране была создана первая самостоятельная салафитская партия («Партия верного пути»), которая, однако, пока не признана всеми разрозненными салафитскими группами в стране. По всей видимости, в этой партии объединились наиболее радикально настроенные активисты салафитского движения. Одной из отличительных особенностей этой партии можно считать призыв к диалогу, а, следовательно, и к примирению с «Аль-Каидой», что создает напряженность в ее отношениях с центральным правительством и партиями, входящими в правительство. Этих радикал-салафитов можно считать главными оппонентами правительства и наибольшей угрозой умеренному вектору политического развития в стране.

Таким образом, в результате политической трансформации в Йемене заметно усилили свои позиции и влияние исламистские группировки. Но к властным структурам и легальным выборным процедурам доступ получили только умеренные исламисты («Ислах»), противовесом которым становятся активно самоорганизующиеся и связанные с «Аль-Каидой» радикал-салафитские группы (часть относительно умеренных салафитов входят в партию «Ислах»). Внутривластная напряженность в Йемене сохраняется на более высоком уровне, чем в других странах «Арабской весны». В отличие от них, новые власти Йемена непосредственно вовлечены в проведение совместно с США антитеррористических операций на территории страны и на море. В результате упомянутых факторов антитерроризма и экономической разрухи новые власти Йемена находятся под более сильным воздействием со стороны Саудовской Аравии и монархий Залива, а также Соединенных Штатов. При этом следует учитывать ориентацию отдельных политических сил Йемена на различных внешних игроков: партия «Ислах», по имеющимся сведениям, больше тяготеет к Катару, а региональные силы – к Саудовской Аравии. Но все суннитские монархии заинтересованы в противодействии влиянию Ирана на северные племена в Йемене.

С учетом этих особенностей и вырисовывающейся «привязки» различных сил в Йемене к различным внешним игрокам у новых властей в Санае, судя по всему, нет сколь-либо значимых и скоординированных внешнеполитических амбиций, которые в разной степени присутствуют у их коллег в Египте, Тунисе и Ливии. В обозримой перспективе вряд ли оправданно ожидать от них изменений традиционных внешнеполитических установок. Нынешнее руководство Йемена по-прежнему делает ставку, прежде всего, на соседние страны Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ), которые взяли на себя обязательства оказания максимального содействия Санае в сферах экономики и борьбы с «Аль-Каидой». Они разворачивают международную кампанию по оказанию донорской помощи Йемену. Создана «Группа стран-друзей Йемена», в работе которой помимо членов ССГПЗ участвуют США и Евросоюз. На конференциях группы присутствует и представитель России. Первые три таких конференции прошли в Саудовской Аравии (в апреле, мае и сентябре 2012 г.), четвертая – в Нью-Йорке (в конце сентября 2012 г.). Объявлено об открытии постоянного представительства Организации исламского сотрудничества в Санае.

Обновленные элиты борются за новое медиа-пространство

Отношения правящих групп с медиа-средой в рассматриваемых странах – это не только показатель более открытой политической системы, но и важнейший критерий оценки вектора развития системы в целом. Обе эти среды – правящие элитные группы и медиа-общество – стремятся к максимальной самодостаточности. В странах устоявшейся демократии, как известно, они взаимодействуют на

основе принципа разделения властей. Практика в арабских странах всегда была далека от этой модели.

Можно утверждать, что характер взаимоотношений журналистов и власти в странах «Арабской весны» не претерпел радикальных изменений при смене политического режима – в особенности, в сфере условно нызываемых «старых СМИ» (финансировавшиеся государством ведущие издания и телеканалы). Именно сейчас – после прошедших выборов в Египте, Ливии и Тунисе – власти и СМИ делают попытки выстроить новую систему отношений. Журналисты и медиамагнаты пытаются отстоять максимально возможную независимость и правовую защищенность. Власти же (не только исламисты, но и отчасти либералы в истеблишменте) *пытаются маневрировать между частичными уступками требованиям журналистов, созданием видимости реформирования медиа-среды, сохраняя в руках верхушки правящего истеблишмента рычаги контроля как минимум над ключевыми СМИ.*

Налицо схватка за медиа-пространство. Два потенциальных сценария: при достижении значительной степени независимости и защищенности журналистов от власти новые элиты будут играть по новым правилам транспарентности, необходимости отвечать на запросы общества и т. п.; если же верх возьмут власти, то «старые СМИ» вернутся к прежним правилам игры – подчинения государству. Юридически это может быть оформлено и путем прямого подчинения Министерству информации или через привязку властями к себе формально частных владельцев медиа-компаний.

Именно **в Тунисе** начался процесс формирования механизма новых взаимоотношений «поствесенней» власти и СМИ. Показательно, что этот процесс был запущен сразу после свержения режима Бен Али. Его активному развитию способствовало поначалу временное переходное правительство страны, которое одним из первых своих постановлений ликвидировало прежнее Министерство информации и телекоммуникаций, т.е. произошло высвобождение СМИ из-под полного контроля государства, и это был сигнал обществу о готовности новой власти к серьезным преобразованиям. Правительство поручило заняться этим известному тунисскому журналисту и правозащитнику Камелю Лабиди, вернувшемуся из эмиграции. Под него было создано специальное ведомство – Национальное агентство по реформированию СМИ и коммуникаций (National Authority for the Reform of Media and Communication). Оно, однако, оказалось не более чем консультативным органом с задачей подготовить и представить правительству соответствующие рекомендации по реформированию медиа-пространства в стране. Для реализации поставленной задачи Лабиди пригласил в качестве консультантов видных *специалистов из европейских стран и развернул широкие дискуссии в профессиональной среде.*

В результате после изучения командой Лабиди комплекса вопросов (основные из которых – юридический статус СМИ, их независимость от правительства, правовая защищенность журналистов, правила и нормы отбора руководящих сотрудников в ведущих изданиях и

на телеканалах, формирование редакционных советов) были оформлены соответствующие принципиальные требования к властям. Прежде всего, команда Лабиди потребовала избавиться от ключевых назначенцев в СМИ, действующих со времен Бен Али, а ныне подстроившихся под новые власти, а также обеспечить прозрачность новых назначений. Однако разработанные Национальным агентством документы были проигнорированы министрами. В результате Лабиди подал в отставку, а Национальное агентство распущено. Таким образом, правительство отказалось от реформирования сферы «Старых СМИ», сохранив практику административных назначений там. Но журналисты не стали мириться с этим положением, проведя в середине октября 2012 г. всеобщую забастовку. В результате правительство пообещало вернуться к документам, подготовленным командой Лабиди, и реализовать часть из них. *В целом же ситуацию в общенациональных СМИ Туниса следует рассматривать как сохранение прежней системы госконтроля при некотором, в основном косметическом, обновлении.* Сам Лабиди, выступая недавно среди своих коллег в Каире, обвинил тунисское правительство под руководством исламистов «Нахды» в попытке «установления цензуры, в дезинформации» и в возвращении к практике, существовавшей при режиме Бен Али. Лабиди при этом выразил недоумение тем обстоятельством, что с позицией исламистов де-факто солидаризировались и две светские либеральные партии, представленные в правительстве.

Сторонники медиа-реформ **в Египте** также взяли за основу разработанную Лабиди модель. Они развернули дискуссии в рамках так называемых «Тахирских диалогов по медиа-реформе», настаивая на практической реализации основных элементов «тунисской модели» в Египте. При этом они столкнулись с точно таким же отношением к ним со стороны властей, как и их коллеги в Тунисе: попытки арестов и судебных тяжб против журналистов на основании «довесенных» законов в обеих странах, включая и закон о недопустимости оскорбления президента. Важно подчеркнуть, однако, что на данный момент новые власти не приняли никаких репрессивных законов в отношении журналистов и СМИ в попытке сохранить логику движения в сторону демократизации.

В целом положение дел в «старых СМИ» (крупных газетах и на ТВ) весьма схоже в обеих странах. Новые правительства воспринимают нынешнюю ситуацию как «хаотичную», при которой плюрализм генерируется в основном частными газетами и телеканалами. Их удельный вес невелик, но проблема для властей заключается в том, что часть из них находятся в руках прежних владельцев, связанных с семьями свергнутых диктаторов – Бен Али и Мубарака. Правомерны и оценки ситуации в этих двух странах как «войны кланов медиа-олигархов». Преодолеть «медиа-хаос» власти пытаются путем назначения своих фигур на управленческие должности в формально принадлежащих государству СМИ. Это, в свою очередь, провоцирует растущее недовольство журналистов, которые обвиняют новых назначенцев в некомпетентности и ангажированности правительству, а само правительство – в попытке «исламизировать СМИ».

На этом фоне в правящих кругах Туниса и Египта раздаются голоса о необходимости приватизации СМИ как единственного способа лишить их статуса государственных органов информации. В Тунисе одним из первых об этом заговорил депутат парламента от исламистской партии «Нахда» Амер ар-Раид. Руководство партии воздерживается от высказывания позиции по данному вопросу, и это выглядит как личное мнение депутата. Но не исключено, что речь идет о попытке исламистов создать видимость реакции на обвинения в их адрес в «стремлении установить исламистскую цензуру». Возможно, что исламисты у власти разрабатывают сценарий передачи государственных СМИ в частные руки, но своим, верным людям. Это может стать способом удержания контрольных пакетов в СМИ в руках надежных лиц при создании видимости радикальной реформы в этой сфере посредством приватизации.

По-видимому, так считают наиболее дальновидные и прагматично мыслящие представители исламистского сегмента новых элит в Тунисе и Египте. Многие из них понимают нереалистичность сохранения прежнего контроля над СМИ, равно как неизбежность определенного плюрализма – подобного, кстати, плюралистичности и самих новых элит. Для таких исламистов встает вопрос скорее о «завоевании своего надежного фрагмента» на медиа-поле, чем о попытке контролировать его целиком. Важно подчеркнуть, что, соглашаясь на допустимость плюрализма в медиа-среде, умеренные исламисты заявляют тем самым о своей готовности играть по правилам демократии, что противоречит одной из их базовых установок, которую в данном случае можно было интерпретировать как «задачу глушения голоса неверных». На реализации этой установки настаивают фундаменталисты-салафиты, которые, следует ожидать, подвергнут умеренных исламистов критике и атакам из-за «капитуляции правоверных перед иноверцами и Западом».

В Ливии медиа-среда отличается от Туниса и Египта тем, что при Каддафи медиа-поле в этой стране было полностью зачищено и не существовало никаких даже относительно независимых СМИ. Теперь они создаются с нуля. Этот процесс стихийно начался еще в ходе гражданской войны – тогда было создано около 800 различных локальных СМИ (в основном при финансовой поддержке Катара). Сразу после свержения Каддафи руководство Национального переходного совета призвало создавать новые СМИ, которые «должны быть критичными в отношении власти». Вместо распущенного General Press Corporation (органа надзора и цензуры при Каддафи) учрежден новый орган – «Корпорация по поддержке и поощрению прессы» (Press Support and Encouragement Corporation). Реорганизуя прежние телевизионные госканалы, новое правительство Ливии оказывает финансовую поддержку частному сектору в этой сфере. Сейчас в стране действует около двух десятков новых теле- и радиостанций, в основном формально независимых, владельцами которых являются частные лица. Наряду с этим в страну пришло панарабское вещание, а также имеют свои корпункты арабоязычные СМИ наподобие американской «Аль-Хурры». Однако это является лишь частью

«информационного пейзажа» страны, что не влияет существенно на формирование медиа-среды.

Таким образом, в схватке за влияние на медиа-сферу постепенно вырисовываются контуры и факторы устойчивости складывающейся новой политической системы. Речь идет о стремлении обоих компонентов (политических элит и медиа-сообщества) воздействовать на формирование друг друга. Этот процесс еще только в самом начале. Не удивительно, что правительства Туниса и Египта, контролируемые исламистами, предпочитают пока откладывать вынесенные на одобрение проекты законодательных актов по преобразованию медиа-среды. Правовая неопределенность в этой сфере пока для новых элит указанных стран, похоже, предпочтительнее определенности, которая может оказаться не в их пользу. Власти Ливии, судя по всему, проявляют большую готовность работать в конкурентной медиа-среде.

III. «Арабская весна»: последствия для России

Политическая трансформация во всех рассматриваемых нами странах привела к заметному сокращению присутствия России. Примечательно, что в подобных масштабах этого удалось избежать другим крупным международным и региональным акторам – США, Евросоюзу, Саудовской Аравии и Китаю. Дело в том, что каждый из перечисленных акторов готовил и привел в действие свою «подушку безопасности». В случае с **США** это такая постоянная компонента американской внешней политики, как установка на «распространение демократии» в мире, которая стала понятным объяснением для разворота политики Барака Обамы от поддержки прежних авторитарных режимов к поддержке и поощрению «демократического процесса». Другой элемент американской «подушки безопасности» – перманентная линия на установление контактов со всем спектром политических сил в любой стране мира.

Для политики **Евросоюза** в этих странах характерно сочетание таких факторов, как а) «мягкое присутствие» в гуманитарных сферах (образование, медицина); б) межгосударственные ассоциативные отношения в сферах экономики, частного бизнеса и обороны; в) Европа как прибежище для многочисленных иммигрантских общин из этих стран, включая и оппозицию прежним режимам. При этом «демократизаторский» подход европейцев выглядел менее идеологизированным и навязчивым, чем подход американцев.

Саудовская Аравия помимо своего авторитета в арабском мире обосновывала свой подход фактором «религиозного родства» и возможностями финансовой помощи, апеллируя в первую очередь к исламистским движениям, которые существенно расширили свое присутствие во властных структурах стран «Арабской весны».

Китай практически не лишился своих позиций благодаря перманентной линии на «бизнес по-тихому», не особо вмешиваясь в политические дела.

Все эти страны сохраняют ключевой параметр своей «мягкой силы» – привлекательность в глазах арабского мира своей модели развития и «истории успеха», на которую можно ориентироваться. Сегодняшняя Россия полностью утратила аналогичный ресурс, которым некогда (хотя и в определенных международных условиях) обладал Советский Союз.

При этом США, Евросоюз и Китай были и остаются *важными источниками финансовой помощи, равно как и рынками для продукции Египта, Ливии, Туниса и отчасти Йемена*. Иными словами, для стран «Арабской весны» эти международные акторы остаются первостепенными, от положительного взаимодействия с которыми зависит *перспектива выживания и стабилизации нового режима*.

Наша страна оказалась в ситуации отсутствия «подушки безопасности» в потрясаемых событиями Тунисе, Египте, Ливии и Йемене: значительная часть «актива» России рухнула вместе с крушением режимов. Россия никогда не была масштабным *потребителем продукции североафриканских стран* (скорее наоборот, была их конку-

рентом на рынке углеводородов Европы и Китая), равно как не была и в числе значимых поставщиков своей продукции на эти рынки. Ее присутствие в гуманитарной сфере (образование, медицина, спорт) этих стран давно сведено к малозначимым величинам. Но главное обстоятельство кроется, на наш взгляд, в самой *природе ближневосточной политики Москвы*, которая а) ориентирована изначально только на взаимодействие с правящими режимами (практически исключались контакты с любыми оппозиционерами, включая и когда-то «идеологически близких»); б) лишена концептуально-информационной гибкости; в) в последнее десятилетие вернулась к доминирующей линии на противостояние с США и другими странами Запада (т. е. к модели традиционной советской политики); г) имеет ограниченную сферу успешного взаимодействия – главным образом это военно-техническое сотрудничество (ВТС), которое также замыкает сотрудничество России только на государственные структуры в этих странах (включая и коррупционную составляющую такого бизнеса), создает видимость причастности к политическим процессам там, равно как провоцирует негативное восприятие у антиправительственных групп («Россия вооружает диктаторов»). К тому же российский частный бизнес и гражданское общество (в сравнении со своими аналогами на Западе) слабы и не проявляют интереса к арабскому миру.

Вместе с тем, не следует говорить о «полной утрате» Россией своих позиций в указанных арабских странах. Полезно учесть, что в последние годы связи РФ с Ливией, Тунисом, Йеменом, Египтом были на невысоком уровне. При этом они отнюдь не обнаруживали позитивной динамики. Стоит также вспомнить, что отношения нашей страны с Каддафи, Салехом не раз переживали периоды глубоких спадов. Поэтому вряд ли целесообразно брать за точку отсчета наилучшие, «пиковые» показатели.

Дело в том, что международная и региональная политика стран «Арабской весны» только формируется. Внешние «игроки» еще не в полной мере проявили себя. Это касается в первую очередь стран Запада. Одно дело – поддерживать протестные движения, другое – выстраивать «на равных» отношения с арабскими странами. Следует также учесть, что имманентно свойственная Западу линия на «руководство» политическим процессом в арабских странах объективно может раздражать новых лидеров. Все это дает определенный шанс России, которым важно оперативно и умело воспользоваться.

Как особый фактор следует выделить отношение российских властей к организациям и движениям умеренных исламистов, а также к феномену «Арабской весны». Группировки типа «Братьев-мусульман» находятся в России под судебным запретом как террористические. А события «Арабской весны» до сих пор трактуются в официальных кругах и ведущих СМИ как «спровоцированные Соединенными Штатами» и «антидемократические» по своей природе. Эти официальные трактовки по-прежнему (уже вне избирательных кампаний в России ноября 2011 – марта 2012 гг.) транслируются на ближневосточную аудиторию соответствующими государственными медиа-ресурсами. Причем зачастую уже в ином контексте, а именно

обострения противостояния между Россией и Западом по различным направлениям, в том числе по Сирии, когда постоянно воспроизводится тема «легитимности» власти и избирательных процессов. Российская сторона по-прежнему предпочитает апеллировать к феномену «Арабской весны» как к негативному примеру «цветных революций», что не может не порождать недоверия и раздражения у новых элит.

С учетом вышеизложенного ближневосточная политика РФ воспринимается в регионе как *а) производная от внутрироссийских проблем (например, в контексте борьбы российских властей с угрозой «цветных революций») и б) как производная от глобального противостояния России с США и Евросоюзом («Россия борется с Западом, а не выстраивает стратегические отношения с Ближним Востоком»)*. Эти черты ближневосточной политики РФ препятствуют оперативности реакции на события и ограничивают «креативность» долгосрочных решений.

IV. Перспективы усиления влияния России в странах «Арабской весны»: цели и средства

А что есть в положительном активе России для возвращения и вероятного усиления ее влияния в регионе? Это, на наш взгляд, несколько базовых инструментов. **Первый** – постоянное членство в Совете безопасности ООН с правом вето. **Второй** – остаточное присутствие в сфере ВТС в указанных странах. **Третий** – возможность альтернативной Западу идентификации, включая и религиозные (наличие в России как ислама, так и православия – конфессии, восходящей к греческой традиции, как и большая часть ближневосточных христианских церквей), а также, в меньшей степени, семейно-родственные аспекты (смешанные браки). **Четвертый** – посредническая вовлеченность официальная и де-факто в сферу палестино-израильского мирного урегулирования. **Пятый** – серьезные финансовые ресурсы, которые могут быть использованы для оказания помощи нуждающимся в них странам «Арабской весны». Речь может идти как о частных инвестициях, так и государственном кредитовании. По мнению экспертов нашей группы, потенциал для проактивной и продуктивной политики России в регионе есть, но он не может быть в полной мере задействован *до завершения кризиса в Сирии и снижения напряженности вокруг этой страны*. Второй пункт нашего согласия в данном контексте сводится к тому, что имиджевые, равно как и дипломатические маневры в этой части Ближнего Востока должны опираться на/сопровождаться конкретными и заметными действиями в плоскости реального сотрудничества. К последним можно отнести следующие:

- Определить реальные рамки сохранения и наращивания ВТС с обновленными элитами.
- Представить арабским монархиям Персидского залива российские предложения по сотрудничеству в создании объектов мирной атомной энергетики (такие планы в этих странах появились в противовес Ирану).
- Выступить с инициативой расширения приема арабских студентов в российские вузы.
- Учитывая низкие показатели товарооборота, провести анализ возможностей и трудностей российских предприятий в продвижении своей продукции на рынки арабских стран (по линии Минэкономразвития и Минпромторга).

Имиджево-идеологическая стратегия России на Ближнем Востоке

Хотя словосочетание «идеологическая составляющая» применительно к внешней политике России, как правило, вызывает отторжение отечественных экспертов, тем не менее, она устойчиво присутствует в политике стран Запада. Тот факт, что в советские времена она не всегда была состоятельной в ближневосточной стратегии СССР, не означает, что таковой не должно быть вовсе: «голый прагматизм» работает только в отдельных случаях, но, как правило, контрпродуктивен в стратегическом плане. В современных условиях

речь не должна идти о «навязывании» кому-либо какой-либо идеологии, как это было в советские времена. Речь идет о *создании и задействовании системы сигналов, свидетельствующих о симпатии/приверженности России определенным ценностям, определенному направлению долговременного движения*. Подобно коммуникациям между людьми отношения между государствами не могут иметь положительной перспективы без хотя бы частичных совпадений подобных ценностных систем. На базовых принципах таких систем основывается весь комплекс коммуникаций с той или иной страной – от разработки средне- и долгосрочной стратегии, фонового наполнения вербальных сигналов (речей, посланий партнерам в тех странах) до разработки и осуществления имиджево-информационной стратегии, направленной на эти страны. Речь идет не об идеологизации политики, а скорее о прагматизме со смысловым (идейным) наполнением.

Концепция имиджево-идеологической стратегии должна быть предельно генерализирована (т. е. иметь отношение не только к странам «Арабской весны», но проецироваться шире на регион, хоть и реализовываться с разными акцентами в разных частях Ближнего Востока). В ее основу, по нашему мнению, может быть положена следующая «имиджевая триада»: **СУВЕРЕННОСТЬ – СПРАВЕДЛИВОСТЬ – РАЗВИТИЕ**.

«Суверенность» – базовый тезис в сегодняшних информационных усилиях российской власти, который вполне разворачивается на арабские страны. Его смысл в том, что глобализация, равно как конфликты с иностранным вмешательством не должны девальвировать устойчивый принцип суверенности государства: после всех возможных конфликтов иностранные войска следует выводить с территории того или иного государства, а его целостность должна быть восстановлена. Этот тезис призван также вызывать ассоциации с политической Москвы времен СССР, когда наша страна «боролась против колониализма, за национальную независимость молодых государств».

«Справедливость» – по подсчетам медиа-аналитиков, это слово (с различными прилагательными) стало самым употребляемым в ходе массовых выступлений во всех странах «Арабской весны». Оно во многом коррелируется как с религиозными постулатами (кстати, всех религий, но особенно в исламе), так и с социальной тематикой, доминирующей в повседневной жизни.

«Развитие» – термин, хорошо сочетающийся с духом обновления, распространившимся после «Арабской весны» (один из смыслов которой – выход из тупика в развитии), под него можно подвести и общую либерализацию общественной жизни. К тому же это исторически (как и суверенность) ассоциируется с СССР, который оказывал арабским странам помощь в развитии.

Кроме того, при выработке и имплементации имиджевой стратегии для арабских стран важно преодолеть «**синдром раздвоения**», когда применительно к конкретным темам-сюжетам (например, связанным с «Арабской весной» или событиями в Сирии) на внешнюю целевую аудиторию говорится одно, а на внутрироссийскую – совершенно противоположное. Это прямой путь к дискредитации имидже-

вой стратегии, поскольку эти противоречия сегодня легко улавливаются. Следует также иметь в виду, что в России сохраняются немалые общины выходцев из указанных арабских стран, часть которых в прошлом являлись политическими беженцами, а сегодня активно работают на новые власти в своих странах. Они внимательно отслеживают во внутрироссийских СМИ материалы, касающиеся их стран. В этой связи можно рекомендовать начать избавляться во влиятельных российских СМИ – особенно на телеканалах – от навязывания российской аудитории тезиса о том, что в указанных арабских странах «победили радикал-исламисты». Тем самым у нас до сих пор навязывается ассоциативная связь «Арабской весны» с «радикал-исламом». Выше мы уже подробно показали, что во властные структуры четырех рассматриваемых стран пришли отнюдь не радикалы, а умеренные исламисты, которые наоборот теперь отмежевываются от радикалов и вступают с ними в отношения противостояния. Попытки представить в России результат «Арабской весны» как «победу радикал-исламистов» воспринимаются в арабских странах как стремление российских властей дискредитировать политические преобразования там в целом.

Другой важный момент: при разработке и имплементации имиджевой концепции РФ следует, на наш взгляд, **избегать явных реверансов в сторону умеренных исламистов** («Братьев-мусульман»). Во-первых, повторим, их представительство и доминирование во властных структурах рассматриваемых стран *не тотально*. Во-вторых, «заигрывание» с ними будет воспринято самими исламистами как проявление неискренности и двуличия россиян. В-третьих, такого рода «заигрывание» будет резко отрицательно воспринято другими сегментами обновленных элит «Арабской весны», особенно, светскими политиками, партиями, немалой частью населения в этих странах, не говоря уже о религиозных меньшинствах там (например, христианами). Здесь важен такой, например, акцент: *Россия готова сотрудничать со всеми силами, за которые голосовали ... египтяне, ливийцы, йеменцы, тунисцы*. Перспективной представляется и работа с христианскими общинами в указанных странах. Так, эксперты нашей группы предлагают изучить вопрос об активизации работы – вплоть до роли «мягкого протектора» – со всеми христианскими общинами Египта, т. е. не только с православной Александрийской церковью, но и с более многочисленной коптской (дохалкидонской, хотя тоже православной по самоназванию), община которой может столкнуться с новыми трудностями в случае нарастания «исламизаторских» тенденций. В такой роли Россию не могут заменить страны Запада, а потому она представляется весьма перспективной. В консультациях с руководством РПЦ полезно рассмотреть вопрос о развитии отношений с Коптской церковью и, возможно, о приглашении в Россию новоизбранного Патриарха этой церкви Тавадроса (представитель РПЦ посещал Александрию в 2010 г., где общался, в частности, с предыдущим коптским патриархом Шенудой III).

Военно-техническое сотрудничество (ВТС)

Корректировка имиджа России, ее переход к более многомерной политике, прежде всего, в странах «Арабской весны» – важнейшие условия для восстановления и дальнейшего наращивания там российского присутствия в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС). Эта сфера остается наиболее перспективной и выигрышной для России в этом регионе, несмотря на проблемы со стратегическими контрактами нашей стороны в Ливии. Поскольку сфера ВТС непосредственно связана с внешней политикой обеих задействованных стран (заказчик-поставщик), то в данном случае российские контракты пострадали от непоследовательности российской политики в ливийском кризисе (пришедшие к власти там силы были разочарованы позицией Москвы на заключительной стадии кризиса).

Страны «Арабской весны» очень различаются по своему статусу в качестве клиентов на рынке вооружений. **Тунис:** при любых властях и режимах экономика страны не в состоянии обеспечить сколь-либо существенные объемы военного импорта, поэтому по линии ВТС эта страна России вряд ли интересна. **Ливия:** традиционный клиент СССР, накануне восстания успела договориться с Россией о большом пакете контрактов (свыше 4-х миллиардов долларов), но выполнены они не были. Является очень привлекательным рынком, однако внешнеполитическая позиция России в ходе кризиса вокруг Каддафи минимизировала шансы российского оборонно-промышленного комплекса в этой стране. **Египет:** клиент США, военные закупки в России минимальны. **Йемен** — давний клиент СССР/ России, лояльный и относительно платежеспособный, хотя в последние пять лет почти ничего не закупал. Страна находится фактически на грани экономического коллапса и ожидать каких-то закупок в ближайшее время вряд ли оправданно.

Интересы России на рынках стран «Арабской весны» заключаются главным образом в том, чтобы масштабные внутривнутриполитические изменения там *не привели к полному разрыву с нашей страной и обнулению многолетних кропотливых усилий по интенсификации ВТС.*

В Ливии Россия рассчитывает восстановить свои позиции в сфере ВТС, напоминая о списанном ею внешнем долге за советские оружейные поставки, а также о факте своего воздержания при голосовании в Совбезе ООН, чем она на тот момент объективно оказала серьезную поддержку повстанцам и Западу. Кроме того, Ливия стала важным прецедентом для внешней политики России вообще и в данном регионе, в частности: стало очевидно, что вне определенного политического контекста никакие уступки вознаграждены, скорее всего, не будут. И, тем не менее, новые власти в Триполи заявили, что готовы выполнять законные договоренности прежнего режима, но только после их тщательной ревизии. Затем было объявлено, что новые ливийские власти «не планируют закупать российское вооружение»¹⁶. Позднее же ситуация начала меняться: в июне 2012 г. заместитель

¹⁶ Даминов Р. Ливия не будет закупать российское оружие, заявил глава ПНС // РИА Новости. 09.09.2011. URL: http://ria.ru/arab_ly/20110908/432479123.html

директора «Рособоронэкспорта» Игорь Севастьянов подтвердил, что новые власти Ливии проявляют заинтересованность в продолжении военно-технического сотрудничества с Россией¹⁷. Таким образом, можно ожидать, что в силу объективных обстоятельств какие-то контракты ливийцы все-таки подпишут с Россией, но о суммах в 2-4 млрд долл., скорее всего, стоит забыть.

В Египте Россия является пассивным наблюдателем — она практически не имела влияния на военных при Мубараке и, судя по всему, не имеет тесных контактов в разношерстной среде пришедших к власти оппозиционеров. Поскольку многолетнее доминирование США в сфере военного потенциала Египта напрямую связано с недовольством общества военными, *Россия имеет определенные шансы в качестве свежей альтернативы гегемонии американцев, и это является неплохой базой для поиска точек соприкосновения с новыми властями (совместные проекты в научно-технической области, освоении космоса, атомной энергетике, ВТС).*

В Йемене государство фактически самодемонтировалось, поэтому вопросы ВТС автоматически оказываются в подвешенном состоянии: по ним можно работать только со сколько-нибудь устойчивой, оформленной структурой государственной власти. Вместе с тем, активные усилия США по недопущению развала Йемена и относительно недавний положительный опыт объединения двух частей страны (юга и севера) позволяют надеяться на некоторую стабильность в обозримом будущем. Рыночные перспективы в Йемене, однако, довольно туманны.

Общественная дипломатия

На данном этапе было бы важно в осмотрительном и сдержанном ключе наладить «стартовые» контакты с новыми руководителями арабских стран по различным линиям, в том числе, по линии общественных и религиозных (мусульманских) организаций. Важно приобщить представителей различных ведомств РФ к выработке вариантов сотрудничества с арабскими странами, которое позволит России задействовать имеющийся научно-технический потенциал, заинтересовав новые элиты. Образование (русский язык и получение специальности в России) остается одним из ключевых инструментов «мягкой силы». Длительное пребывание в России в период учебы студентов из арабских стран создает устойчивые культурно-психологические связи (возможно, обучение на льготных коммерческих условиях или бесплатно, стажировки для преподавателей ВУЗов, молодых ученых). Идеи практического характера в этой связи широко известны — от курсов изучения русского языка по линии «Русского мира» и взаимодействия с соотечественниками и различными «обществами дружбы», образованными еще во времена СССР, через «Россотрудничество» до развития взаимодействия по линии НКО и других подобных структур, профессиональных со-

¹⁷ Рособоронэкспорт: Ливия хочет восстановить военное сотрудничество с РФ // РИА Новости. 29.06.2012. URL: http://ria.ru/arms_news/20120629/687895437.html#ixzz2IVsMv1nd

обществ. Вернувшись на родину, специалисты, получившие образование в России, создают неформальные каналы связи и влияния. Но при этом следует учитывать и такие негативные явления, как *рост националистических и ксенофобских настроений*, сопровождающихся как «русскими маршами», так и нападениями на лиц «не-славянской внешности». Это отрицательно сказывается на имидже нашей страны в арабском мире.

Эффективным приемом в ментальном взаимодействии может стать упор на тезис о взаимном обогащении культур (*а не на общность ценностей, как предлагается в американских концепциях*). Это содержательная идея, она имеет хорошие перспективы, при этом как бы возвращает массовое сознание в эпоху «дружбы народов», не содержит скрытой заданности взаимодействия, которой кто-то доверяет, а кто-то – нет, и имеет шансы быть востребованной на всех этапах работы.

Развитие информационного взаимодействия. Для этого российским СМИ, работающим на регион, полезно пересмотреть информационный контент, избавившись от прямой пропаганды и искажений с учетом того, что доверие к российским СМИ в арабской аудитории не является константой, а телезритель в регионе имеет широкую альтернативу (локальное и панарабское вещание). Требуется не погоня за красивой «картинкой», а подача реальной информации с опорой на мнение экспертов в разных областях – политике, науке, культуре. Проведение прямых телемостов с участием в диалоге представителей обеих сторон вдвойне эффективно – это не только интерактивная форма общения, но и живой, предметный и правдивый обмен мнениями. Полезно рассмотреть вопрос о возобновлении экспорта российской кинопродукции и задействование международных киноплощадок (фестивалей) для обмена мнениями профессионалов (в частности, с учетом всплеска кинопроизводства после «Арабской весны» в Тунисе и Египте).

Включение «мягкой силы» в арсенал внешнеполитических приоритетов России в деле выстраивания отношений с новыми арабскими элитами – очевидная потребность. Говорить о результатах и скорости их достижения проблематично, поскольку в регионе произошла переоценка «абсолютной дружественности» России. Новые элиты не делают ставку на Россию в качестве приоритетного внешнеполитического партнера, равно как экономического спонсора. Точки возможного реального взаимодействия в связи с сирийскими событиями только намечаются. Поэтому даже самые массивные российские PR-усилия, массовое возвращение в регион наших туристов и потенциал расширения психологической расположенности к стране (в случае если получившие у нас образование арабоязычающие студенты «увезут» с собой не только жен, но и доверие к стране), не смогут обеспечить России имидж привлекательной страны, если образ не будет подкреплён внутри- и внешнеполитическими реалиями.

Выводы

События «Арабской весны» стали проявлением *объективной закономерности* разрешения сложившейся за десятилетия конфликтной ситуации в арабских странах с военно-бюрократическими режимами (менее характерны такие варианты для ситуации в арабских монархиях), которые де-факто трансформировались в режимы бюрократические, клановые и олигархические. Эти события можно лишь ограниченно характеризовать как «революционные», поскольку, с одной стороны, они стали результатом назревших политико-экономических проблем, а с другой – пока не повлекли за собой глубинных социально-экономических преобразований. Они привели к определенной политической трансформации в этих странах: в соответствии с главными побудительными импульсами протестных движений (избавиться от несменяемых правителей и демократизировать систему) они наполнили новым реальным содержанием формально существовавшие институты и выборные процедуры. Гражданские институты заметно оттеснили от власти армейскую верхушку, которая, тем не менее, остается корпоративным (автономным) фактором силы, способным влиять на ситуацию в этих странах.

Объяснима и логична победа исламистов на всеобщих выборах как силы, наиболее решительно противостоявшей прежним режимам. Но в высших эшелонах исполнительной власти и на высших государственных должностях в указанных странах находятся (в коалиции) умеренные исламисты и светско-либеральные политические силы. Политика новых элит уравнивается влиянием армейской верхушки (Египет) и спецслужб (Тунис). Легализация же самого исламистского сообщества в этих странах привела к его существенному расколу на *умеренных* («Братья-мусульмане» и часть салафитов) и *радикалов* (другая часть салафитов, а также джихадисты «Ансар аш-Шариа»). Таким образом, базовыми группами, оказывающими наибольшее воздействие на формирование новых политических элит в Египте, Ливии, Тунисе и Йемене, следует, на наш взгляд, считать три: а) *умеренных исламистов, большая часть которых получила образование на Западе;* б) *светские, либеральные организации европейского типа;* в) *армейскую верхушку и часть прежнего бюрократического аппарата.*

Пребывание исламистов во властных структурах вполне может оказаться временным, но при условии сохранения установленных институтов и процедур обновления различных ветвей власти (т. е. если исламисты де-факто не узурпируют власть, попытку чего мы наблюдали частично в Египте в ноябре-декабре 2012 г., когда президент Мурси присвоил себе, по сути, чрезвычайные полномочия, но был вынужден отступить под давлением оппозиции и «улицы»). Общим для обновленных элит является *прагматизм во внешней политике при минимизации каких-либо идеологических (религиозных) установок.* Важно также учитывать и использовать в интересах России установку обновленных элит на их репозиционирование в регионе и в мире, что предполагает в ряде случаев некоторую *диверсификацию внешних связей*, но как минимум создание видимости ослабления зависи-

мости от главных партнеров прежних режимов (например, от США). Это открывает «окно возможностей» для российской дипломатии.

В целом политическая трансформация во всех рассматриваемых нами странах привела к некоторому сокращению влияния России там, что ставит вопрос о необходимости для нашей страны выработать концепцию своего репозиционирования в арабском сегменте Ближнего Востока. Одним из факторов сохранения и наращивания влияния нашей страны в этом регионе может стать отход от ориентации только на правящую группу путем диверсификации контактов и связей, более активного задействования открывающихся для этого возможностей посредством расширения политического поля, легализации НКО и различных общественных и религиозных структур. При этом необходимо избавиться от негативных имиджевых «нагрузок», связанных, в частности, с распространенным в России восприятием феномена «Арабской весны» как «провокации США и Запада», а ее результатов как «победы радикал-исламистов». Корректировка имиджево-идеологической концепции нашей страны в регионе могла бы проводиться в духе «триады» *«Суверенность – Справедливость – Развитие»*. Налаживая диалог с умеренными исламистами, тем не менее, не следует и чрезмерно «заигрывать» с «Братьями-мусульманами», чтобы не вызывать негативную реакцию со стороны их достаточно влиятельных оппонентов в обновленных элитах (светских партий, генералитета и т.д.). Перспективной представляется утверждение роли России как «протектора» христиан и работа с христианскими меньшинствами в указанных странах – вплоть до изучения возможности посещения патриархом Кириллом египетской Александрии.

Важно эффективно использовать имеющиеся базовые инструменты в положительном активе России для усиления ее влияния в регионе. *Первый* – постоянное членство в Совете безопасности ООН с правом вето. *Второй* – остаточное присутствие в сфере ВТС в указанных странах. *Третий* – возможность *альтернативной Западу идентификации*, включая и религиозные и семейно-родственные аспекты (смешанные браки). *Четвертый* – посредническая вовлеченность официальная и де-факто в сферу палестино-израильского противостояния. *Пятый* – серьезные финансовые ресурсы, которые могут быть использованы для оказания помощи нуждающимся в них странам «Арабской весны». По мнению экспертов нашей группы, потенциал для проактивной и продуктивной политики России в регионе есть, но он вряд ли может быть в полной мере задействован *до завершения кризиса в Сирии и снижения напряженности вокруг этой страны*. Эксперты также согласны в том, что имиджевые, равно как и дипломатические маневры в этой части Ближнего Востока должны опираться на/сопровождаться конкретными и заметными действиями в плоскости реального сотрудничества. Возможности для этого достаточно подробно освещены в настоящем докладе.

Обновленные элиты стран «Арабской весны» склонны проявлять максимальный прагматизм и реализм как во внутренней, так и во внешней политике. Такого же рода реализм и прагматизм со смысловым (идейным) наполнением в состоянии, мы полагаем, проявить в своих интересах и Россия.

Российский совет по международным делам

**РОССИЯ И «НОВЫЕ ЭЛИТЫ» СТРАН
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Издательство «Спецкнига»
т. (495) 744-6179
www.specialbook.net

Верстка — Е.В. Зарубаева

На обложке использовано фото с сайта
<http://02varvara.wordpress.com/>

Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура HeliosC. Усл. печ. л. 2,75.
Тираж 500 экз.